

СЕРГЕЙ САДОВ

КРИСТАЛЛ
АЛЬВАНДЕРА

Сергей Садов
Кристалл Альвандера
Серия «Возвращенные звезды», книга 1

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165455

*Сергей Садов «Кристалл Альвандера»: Лениздат; «Ленинград»; СПб;
2008*

ISBN 5-289-02510-3

Аннотация

Пять тысяч лет земляне заперты Высшими в своей Солнечной системе Барьером. Человеческая цивилизация, лишённая выхода в большой космос, вынужденно развивалась в сторону совершенствования собственного разума и организма. В попытках обрести «братьев по разуму», люди создали новые расы и животных, ранее встречающихся только в сказках. Овладели пси-технологиями, позволяющими общаться, управлять собственным телом и другими объектами посредством мысли. Громадные мегаполисы – уродливое порождение двадцатых веков, – исчезли с лица планеты. Люди освоили оставленную им часть Солнечной системы. На Земле царит мир и гармония, но память о потерянных звездах возрождает мечту о преодолении Барьера и обретении дороги во Вселенную. Альвандер, молодой мастер сравнительно новой науки, с раннего детства заболел «звездной» болезнью и с тех пор всю энергию,

весь талант он посвящает решению проблемы. Его идеи неизменно увлекают за собой всех, кто познакомился с ними, но падет ли Барьер, и КТО встретит людей за ним?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	66
Глава 4	100
Глава 5	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Сергей Садов

Кристалл Альвандера

Маме. Только когда рядом уже нет близкого человека, понимаешь, насколько он был тебе дорог.

Наверное, это уже стало традицией – благодарить за помощь в правке людей, которые добровольно берутся за этот, прямо скажем, нелегкий труд. И от того их работа еще ценней. Не буду нарушать заведенный порядок и говорю огромное спасибо всем за помощь в сей нелегкой писательской доле: Юрию Белову, Андрею Крюкову и остальным героям тяжкого труда, принимавшим участие в правке и скрывшимся за никами Abs, ToT, Macropod, RUSer, Ludoyed, Dragon Red, Crisolita. Всем еще раз большое спасибо...

Глава 1

Я с интересом прислушивался к происходящему на улице, пытаюсь определить, что еще из своего огромного арсенала средств для взлома защиты применяет сестренка? А он у нее, надо признать, весьма впечатляет. Впрочем я тоже во все не ловил мух и совершенствовал оборону старательно, и с каждым разом она становилась все лучше. Так что в нашем

негласном соревновании пока ничья – среднее время преодоления моих защитных барьеров не менялось. Сегодняшний день тоже не оказался сюрпризом, и через пять минут перед Феолой пала последняя ловушка.

– Ну конечно! – ворвалась она в пещеру с развевающимися, словно на ветру, волосами и освещенным зловещим красным светом, похожим на заходящее солнце, лицом. В пещере? Заходящее солнце? В обед? Вообще-то сестра не любитель подобных театральных эффектов, но на этот раз, кажется, они соответствовали ее настроению. – Как всегда, заперся в своем склепе! – Она огляделась. – И опять без света сидишь!

Я пожал плечами. Отсутствие света меня ничуть не смущало, впрочем, как и сестренку. Полумрак помогал отрезвиться от всего постороннего и сосредоточиться на работе. Намного удобней, когда тебя ничто не отвлекает. Феола, понятно, все мои привычки знала прекрасно, что не мешало ей каждый раз ворчать то по поводу темноты, то из-за холода, то из-за отсутствия хоть чего-нибудь живого в моей пещере. Последнее, впрочем, она попыталась исправить, правда неосознанно. Я посмотрел ей под ноги и поморщился.

– Филька! – Филька – это я так зову сестру, когда сержусь на нее. – Опять? – Ох уж мне эти биологи!

Феола прервала процесс воспитания и озадаченно посмотрела на свои босые ноги. Обернулась, придерживая тунику, и смущенно кашлянула.

– Ой! Извини, – Весь ее боевой настрой как-то разом пропал. – Я не хотела.

Ну ясно – не хотела! Мы с ней на пару разглядывали вдруг выросшую на каменном полу пещеры траву. И в прошлый раз не хотела. И в позапрошлый. У биологов такие вещи на уровне рефлексов. Всегда «несут» с собой жизнь. Хотя по мне, так скорее тащат. Всегда поражался, как эти вот травинки умудряются взламывать сплавленный камень? Эх, опять на ерунду силы тратить. Я нахмурился и махнул рукой, мысленно расшевелил молекулы воздуха. За спиной сестренки возник огненный смерчик и пронесся к выходу, выжигая траву и снова сплавляя пол. Феола молча наблюдала за всем этим и лишь периодически морщилась. Ха! Не нравится, что я «жизнь» любезную ее выжигаю, так нечего было ее сюда приносить! Всему свое место!

Покончив с травой, я повел смерчик к ногам Феолы.

– Ай! – взвизгнула та, когда огонек коснулся ее ног. – Ну, Дерри! Я тебе сейчас устрою!!!

Дерри – это я. Хотя мое полное имя Альвандер, но сестра, сколько помню, всегда называла меня так. Полным именем она обращается ко мне лишь в особо торжественных случаях. Причем, когда эти самые особо торжественные случаи наступают, ведает она одна. Глядя, как сестренка пританцовывает, пытаюсь увернуться от огня, я захихикал. Феола наградила меня многообещающим взглядом, но большего пока предложить не могла. Огонек хоть и мал, но весьма удал. Но

вот ей удалось сосредоточиться, и огонек исчез. Сестренка, естественно, тут же кинулась на меня с кулаками:

– Ах ты, зараза такая!!! Я тебе сейчас устрою веселую жизнь!!

Я со смехом отбивался. Наконец ей удалось прижать меня в угол.

– Ну все! Хватит! Сдаюсь! – запросил я пощады.

– То-то же! – гордо заявила она мне, щелкнув пальцами. Стоявшее в дальнем углу кресло немедленно подъехало к ней. Феола, ощутив его со всех сторон (опыт, однако), села, аккуратно разгладив тунику на коленях. Я, старательно копируя ее жесты, подкатил себе другое кресло и опустился напротив. Феола сделала вид, что ничего не заметила.

– Я внимательно слушаю вас, миледи.

Феола лишь фыркнула на мое вежливое обращение.

– Ты что, оглох и не слышал, что тебя мама звала? – ехидно поинтересовалась она. – Хотя, чего спрашиваю, и так все ясно.

– А? – я растерянно почесал затылок. – Попал. Феол, понимаешь, я тут не хотел, чтобы меня отвлекали и...

– ...и поставил защиту. А теперь иди и объясняй родителям, где ты пропадаешь уже столько времени.

– Ну Фео-о-ола, – заканючил я.

– Даже не проси! – гордо отозвалась сестренка, задирая нос.

Я любовался ее острым загорелым подбородком и гру-

стиль. Ясно, что именно просьба с моей стороны она и дожидается. А потом, сделав мне великое одолжение... М-да. Как же мы с ней все-таки непохожи. Внутренне. Внешне мы вообще-то близнецы (хотя я родился на пять минут раньше). Правда, я не ношу таких длинных волос – почти до колен. И туника моя обычная – серая, очень практичного цвета, в отличие от бирюзовой, «она очень подходит к моим глазам», которую носит сестренка. Впрочем, цвет ее глаз и, соответственно, туники регулярно меняется. Увы, но возможности прямо заявить о глупости такого подхода я был лишен по причине присущего мне здорового чувства самосохранения. Да и в последнее время появилась еще одна причина не портить отношений с Феолой – я все больше и больше убеждался, что без ее помощи работу мне закончить не удастся. А так как сестра эмпат сильнее меня, то мигом это почувствовала.

– А я тебе сейчас кое-что покажу, – обреченно вздохнул я.

Феола заинтересованно приподняла одну бровь, но больше ничем своих эмоций не выразила. Я постарался мысленно прощупать ее, но мой сенсорный луч был отбит с унижительной легкостью, и в ответ она мне протелепатировала презрительное «пфе».

– Ты ведь спрашивала, чем я тут занимаюсь?

В ответ приподнялась вторая бровь.

Феола, склонив голову к плечу, небрежно перекинула волосы вперед и принялась их старательно расчесывать, делая

вид, что мои слова ее ничуть не заинтересовали. Хотелось бы верить, что она только делает вид, но прощупать ее эмофон мне по-прежнему не удавалось. Повисла неловкая пауза.

– И что тебе от меня надо? – наконец соизволила снизить до меня Феола, не прерывая своего занятия.

Я постарался принять обиженный вид, на что мне было послано очередное «пфе».

– Мне? От тебя? Я просто хотел показать тебе итог своих пятилетних усилий!

– Ты в девять лет, что ли, начал свои усилия? – ехидно поинтересовалась Феола.

Я поморщился.

– Ну... тогда это были только игрушки. А вот потом... когда я осознал, что может вырасти из моих забав... – Я многозначительно замолчал и украдкой взглянул на сестру. На этот раз разочароваться мне не пришлось – Феола проявляла явный интерес, и скрыть его ей никак не удавалось. Хотя внешне она оставалась невозмутимой, но ее эмоции буквально перехлестывали через все возведенные барьеры. Она знала, что я занимаюсь каким-то проектом, и в свое время усиленно подлизывалась ко мне, пытаясь выцарапать информацию о нем, но я был тверд. А защищать свои секреты у меня получалось лучше, чем у нее их выпытывать.

– Так-так. – Феола с интересом смотрела на меня. – А что на этот раз? Какой-нибудь новый кристалл?

Но сейчас я был серьезен.

– Да. Кристалл. Я создал новый кристалл.

– Какой?! Новый кристалл Силы?

Эх, не хотелось мне пока никому рассказывать о своей работе. Очень не хотелось. Но другого выхода нет. Сестра зря смеется, я действительно начал работать над проектом в девять лет. Именно тогда мне удалось вырастить свой первый кристалл, и тогда же я получил от Совета собственную лабораторию с кучей учебной литературы в придачу. Ух, как скакала тогда моя фантазия... даже стыдно признаться, на какие пустяки потратил время. Хотя справедливости ради стоит отметить, что те «пустяки» и натолкнули меня на одну идею. Это когда я отрабатывал различные методы телепортации предметов. Тогда-то я и понял, как можно преодолеть Границу. Или Барьер, как его еще называют. В то время и начались мои эксперименты.

Талант к созданию кристаллов у меня открылся лет в семь, по-моему. Хотя сами кристаллы я начал выращивать раньше. Просто не стоит путать творчество – создание абсолютно нового кристалла, который еще никто не делал, и ремесло – выращивание кристаллов по уже известной всем схеме. Мастера-кристаллоеды – творцы всегда ценились на Земле, и Совет прилагал все силы, чтобы отыскать детей, способных к творению. При одном таком тестировании в школе меня и нашли. После этого начались отдельные уроки с другими мастерами. Звание же мастер присваивалось после первого сотворенного самостоятельно нового кристалла

и носило скорее почетно-символическое значение, как первая ступенька для дальнейшего роста...

– Кристалл Силы... – хмыкнул я. – Кого интересуют эти детские игрушки?

Феола удивленно моргнула.

– Но ведь твой усовершенствованный кристалл Силы на конкурсе Совета занял первое место. Сейчас все его выращивают. А потом остальные твои кристаллы...

– Феола, все это ерунда. Отработка технологии.

– Да? – Сестра притихла в своем кресле и теперь глядела на меня как на опасного хищника, от которого непонятно чего ждать. – В Совете тебя считают гением кристалловедения.

Что есть, то есть. Давно заметил, что мне с легкостью дается то, что у других получается только после долгих лет учебы, что позволило мне стать самым молодым мастером в истории Солнечной.

Феола, не дождавшись ответа, заерзала.

– Так что ты там изобрел? – наконец не выдержала она.

– Я скажу тебе, если ты пообещаешь кое-что.

Феола с подозрением оглядела меня с ног до головы.

– Тебе нужна моя помощь. Без меня у тебя ничего не срастется. Мне почему-то так кажется.

Скрыть это от такого сильного эмпата, как сестра, я даже не рассчитывал.

– Верно. Но если ты не дашь мне слова сохранить все в тайне, то я ничего не скажу тебе. Даже если мой проект из-

за этого останется незавершенным.

В качестве подтверждения своих слов я снял все барьеры и повторил сообщение мыслеобразом. Врать при телепатическом общении еще никому не удавалось.

– Даже так, да? – хмуро поинтересовалась она.

Несколько секунд в ней боролись любопытство и осторожность.

– Это очень важно, – попытался я подтолкнуть ее. – Для всего человечества.

– Тоже мне, спаситель человечества, – тут же привычно фыркнула сестренка, но при этом она сосредоточенно о чем-то размышляла. – Ты бы хоть намекнул, о чем твое изобретение.

Я решительно помотал головой:

– Это особенный кристалл. Я его выращивал почти два года. Два года трудов. Полагаю, я имею право сохранить тайну, пока не решу, что ее можно обнародовать.

– Альвандер Морозов, ты ужасно вредный и нудный тип! – заявила мне сестра. – Хоть и гений. Хорошо, я согласна. Я даю тебе свое слово.

Я покачал головой:

– Не так.

Феола вскочила с кресла, сообразив, чего я от нее требую.

– На такое я не пойду! – решительно отрубилась она, покосившись на кристалл клятвы, стоявший на столе. Похоже, она только сейчас сообразила, зачем я его приготовил. Сно-

ва глянула на меня. Я продолжал молча смотреть на нее. – Нет и нет! Даже не уговаривай! А вдруг ты задумал какую-то гадость?

Я тоже встал и вытянул перед собой руку. На то, чтобы чуть-чуть раздвинуть себе кожу, много сил не надо. На ладони тотчас набух шарик крови. Я убрал руку, мысленно удерживая его в воздухе.

– Пусть эта кровь будет свидетельницей моих слов, – в общем-то ненужно оповестил я ее – этот ритуал в Солнечной знали все. Стоявший на столе кристалл клятвы, уловив ключ-послание, вспыхнул розовым светом. – Клянусь, что с моей стороны нет желания причинять кому бы то ни было вред. И что моя работа направлена на то, что уже неоднократно пыталось сделать человечество. Я закончил.

Капелька крови поплыла к кристаллу и растворилась в нем. Тотчас меня скрутила жуткая боль, и я со стоном рухнул на пол. На миг даже сознание потерял. Когда я открыл глаза, то обнаружил перед собой перепуганное лицо сестры, которая руками сжимала мне виски. Заметив, что я открыл глаза, она тут же закатила мне оплеуху.

– Идиот! Болван! Знаешь, как ты меня напугал?!

– Зато ты убедилась, что я серьезен.

– Меня, между прочим, родители послали за тобой!

– Мы отправимся домой сразу, как только ты скажешь «да» или «нет».

– Ты и в самом деле чокнутый! – заявила сестренка после

того, как минуты три изучала мое лицо. – Поднимайся с пола! Как ты ходишь по этому холоднящему камню?

– Пол должен быть ровным, а остальное неважно, – машинально отозвался я, поднимаясь. – Так каково твое решение?

Вместо ответа Феола выпрямилась, вызвала из своей ладони шарик крови и отправила его к кристаллу.

– Клянусь никому не говорить о проекте моего брата до тех пор, пока он сам не разрешит мне это. Ну как? Доволен? – сердито поинтересовалась она, но тут кристалл впитал ее кровь и Феола, охнув, стала оседать на пол. В последний момент я успел ее подхватить и аккуратно опустил в кресло. Сам сел на подлокотник рядом с ней и осторожно взял сестру за руку. Так мы и сидели, пока она не пришла в себя.

– Доволен, – ответил я ей. – Ты даже не представляешь, как! Без тебя мне пришлось бы свернуть проект.

– Так что у тебя за проект? Может, скажешь, наконец?

– Я лучше покажу, – отозвался я, вставая и потянув за собой Феолу. – Иначе ты примешь меня за сумасшедшего.

– Я тебя всегда им и считала, – буркнула моя вежливая сестренка.

– Спасибо, – отозвался я, подводя ее к дальней стене. Приложил к ней руку и закрыл глаза, нащупывая ключ-камень. Мысленно послал сигнал. Камень перед нами повернулся во круг своей оси и отъехал в сторону.

– Надо же, – пробормотала рядом Феола. – А я и не знала, что у тебя в этом месте есть еще одна пещера.

Я не ответил. Для того и делалось, чтобы ты не знала.

В отличие от предыдущей пещеры, эта ярко освещалась. Мысленно отдав команду, я чуть притушил огонек камней-светляков, пропустил вперед Феолу и закрыл дверь. Сестра с интересом огляделась. Впрочем, особо глядеть тут не на что. Полки с зародышами кристаллов, стол завален листами пергамента и инфокристаллами. Но это все не главное. Главное в этой комнате – ванна с питательным раствором, в которой плавал кристалл размером с голову взрослого человека. При виде кристалла такой величины Феола только рот раскрыла и медленно обошла ванну вокруг.

– Боже мой, Дерри, ты вырастил кристалл такого размера?! Да зачем он такой нужен?

Я, довольный произведенным эффектом, принялся объяснять.

– Очень просто. Этот кристалл позволяет управлять пространством.

Феола моргнула. Похоже, не сразу сообразила.

– Чем?

– Пространством. Он может погрузиться в матрицу n -мерного пространства так глубоко, как только возможно смоделировать. Это его основная функция. Кроме этого он еще много чего умеет. Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что прошлые мои изобретения всего лишь побочные результаты? Когда мне требовалось получить определенное свойство, я выращивал отдельный кристалл и экспериментиро-

вал с ним. Когда доводил до совершенства – добавлял это свойство в главный кристалл. Ну а кристалл, на котором я все отработывал, отдавал Совету.

– Подожди! – повторила Феола. И тут она повернулась ко мне. – Значит, не было никаких твоих проектов?!!

– Не было, – вздохнул я. – Был один проект. А все остальное лишь следствие. Отходы производства. Я с самого начала работал над ним. – Я кивнул в сторону ванны.

На самом деле, чтобы вырастить кристалл с известными свойствами, большого ума не надо. С этим и пятилетние дети справляются. Берется зародыш... их создают специальные мастера, помещается в ванну с питательным раствором. Затем мысленно, по определенной схеме, вносятся те параметры, которые необходимо получить. А дальше уже контролируешь его рост. Чем сложнее требуемая задача – тем больше кристалл по размеру. Я свой первый кристалл вырастил в четыре года. Очень хотел новую игрушку, вот и сделал себе кристалл, с помощью которого можно было трансформировать пластил. Но это ведь давно известные и многократно отработанные схемы. А теперь я создаю собственные кристаллы, со свойствами, которых до меня еще никто не получал. Работа точнейшая и сложнейшая. Поэтому люди, занимающиеся ею, должны обладать потрясающим воображением и умением концентрировать внимание. А работы мастерам-кристалловедам всегда хватало. Так что ничего удивительного, что подобные люди ценились в Солнечной. Правда

я предпочел остаться вольным художником и весь ушел в работу над своим главным творением. А чтобы меня ничто не отвлекало от работы, даже сдал экзамены в школе экстерном. Справедливости ради стоит отметить, что школу экстерном закончила и моя сестра. Хотя и на полгода позже. Все-таки я талантливей. Но вот этого ей говорить не стоит. Прибьет.

Феола тем временем внимательно изучала кристалл, прощупывая его мысленными зондами, и всякий раз, получив ответ, только руками разводила.

– Да есть ли что-то, что ты туда не впихал?!

– Полагаю, что все же проще перечислить, что я туда «впихал», – усмехнулся я. – И планировал впихать еще больше, только не справился. Из-за этого и пришлось разрабатывать новую схему управления кристаллами. Между прочим, настолько очевидную, что я просто поражаюсь, как до нее раньше не додумались. Но с этим я справился.

– Не сомневаюсь. – В момент потрясения моя сестренка вполне здраво оценивала мои таланты. – А что за схема?

– Я тебе потом расскажу. Если ты согласишься мне помочь.

– Но... но что я могу?! Твой кристалл совершенство! Лучше, наверное, не придумаешь.

– Неверно. Можно и лучше. Но прелесть моей схемы заключается в том, что она очень гибкая и позволяет без разрушения кристалла совершенствовать его до бесконечности. Ну... «до бесконечности» это я загнул. До величины, кото-

рую позволяет контролировать основной кристалл. Я тебе потом все покажу.

– Так в чем же у тебя проблема?

Я сморщился. Потом усмехнулся и кивнул на кристалл:

– Да вот в нем и проблема. Он слишком сложный и слишком совершенный.

Феола моргнула:

– Не поняла...

– А ты пробовала управлять совершенством? Я попробовал и едва не утонул в нем. Каким чудом я тогда выбрался из этого кристалла, не знаю. А ведь я не собирался делать ничего сложного. Просто протестировать самые примитивные его возможности, такие как подъем груза... Сложнейшее переплетение узлов, рисунок потоков... ты не представляешь, как это красиво и величественно. Стоит лишь мысленно погрузиться в кристалл, и он увлекает тебя туда целиком и выжимает до предела. Я после того случая два часа на полу валялся, не в силах даже шевельнуться, восстанавливая энергию. А потом кое-как выполз на воздух и лежал там.

Феола смотрела на меня испуганно, слегка покачивая головой.

– Ты сумасшедший! Мог бы меня позвать. Такие опыты надо вдвоем делать!

– Да откуда ж я знал, что так получится?! – с досадой вскричал я. – Я ведь, казалось, все предусмотрел! Поставил все защиты, которые только существуют. Но кристалл

их словно не заметил. Теперь я понимаю, почему никогда раньше не удавалось создать кристалл такой сложности. Ими невозможно управлять.

– Но чем тогда я могу тебе помочь? – Феола недоуменно уставилась на меня. – Подожди-подожди. Им никто управлять не может, потому что человеческий мозг еще недостаточно развит. Ты сказал, что помочь тебе могу только я... Но я не мастер-кристалловед. Я биолог. Значит, ты хочешь...

– Да, – подтвердил я догадку сестры. – Я хочу, чтобы ты дала кристаллу разум. Для человека управлять всеми возможностями кристалла невозможно. Но для разума, рожденного кристаллом, все эти способности как для человека умение дышать. Если тебе это удастся, то мы получим Великий Кристалл.

– Ты не скромничаешь, – только и ответила сестренка. Хотя Феола и излучала скептицизм, но я видел, что идея ее увлекла. Она буквально загорелась ею. – Но на такую разработку надо получить разрешение Совета.

– Оно есть, – отмахнулся я. – Я уже задавал вопрос. Мне было сказано, что возражений нет.

– Ты разве выносил вопрос на обсуждение Солнечной? Тебе не кажется, что такой важный вопрос требует всеобщего решения?

– Как только будет результат – сразу и спрошу. А пока нечего спрашивать. Кроме того, я терпеть не могу эти массовые телепатические обсуждения с кучей вопросов и запро-

сов. У меня голова потом болит.

– Просто ты лентяй. И трус. – Сестренка оказалась безжалостной. – Ты не хочешь выносить этот вопрос, потому что полагаешь, что тебе могут отказать. Как звучал твой вопрос?

Я вздохнул:

– Можно ли создавать разум, если только он сможет преодолеть Границу.

– Ясно. Ты не лгал, но и не говорил всей правды. А говорят еще, что полуправда хуже лжи.

Я поморщился:

– Феол, ну пожалуйста. Я еще не готов давать своей работе всеобщую огласку. И я не скрывал суть работы. Я просто не говорил, на какой стадии она находится. К тому же один я просто не справился бы. Мне постоянно требовались консультации специалистов. По физике пространства, физике волн, биологии, химии. Я часто и кристаллы на заказ делал для разных институтов, а те вместо платы выполняли для меня расчеты.

Я подошел к одной из стен пещеры и раздвинул панель. Все полки там были забиты стопками пергамента и инфокристаллами.

– Видишь? Это все схемы и расчеты. Как я один, по-твоему, все это провернул бы?

– А у институтов к тебе вопросов не возникало?

– Вопросы возникали. Но учти, что мастера пользуются очень большим авторитетом, а я вхожу в двадчатку лучших в

Солнечной. И второе – я не скрывал, для чего мне все это. Я просто не говорил, насколько близок к завершению проекта.

– Почему?

– Если не получится с первого раза, буду работать дальше. А так только напрасная надежда. Сколько уже таких попыток было? Я и тебе сказал только потому, что выхода у меня нет. Иначе все насмарку. Весь мой труд.

Феола смотрела на кристалл уже не восхищенно, а задумчиво и оценивающе.

– Мне нужна полная схема твоего кристалла. Вся его структура.

Я достал из шкафа два отдельно лежащих кристалла и протянул их ей:

– Вот. Я уже все приготовил.

– Как будто заранее знал, что соглашусь, – хмыкнула Феола, опускаясь на пол и кладя первый кристалл на ладонь. Кристалл слабо засветился.

Чтобы не мешать, я отошел в угол и оттуда наблюдал за ней. Сестренка сидела, скрестив ноги и держа кристалл на ладони, закрыв глаза, в задумчивости покусывая губы. Ее длинные черные волосы, ничем не скрепленные, волнами падали на плечи и спину. Я даже залюбовался Феолой. Круглое загорелое с точеными чертами лицо. Стрелки бровей. Эх, не будь она моей сестрой, я бы точно влюбился. Хотя... ее ехидный характер мог вывести из себя кого угодно. А авторитетов сестренка не признавала. Кроме родителей. Ну, по-

жалуй, еще ко мне прислушивалась.

Феола положил первый кристалл рядом с собой и взяла второй. Зачем-то почесала ступню. Не открывая глаз, задрала голову к потолку. Ее губы шевелились, что-то шепча. Я даже прислушиваться не стал. Ясно ведь, что не мне предназначено. То ли с кем-то совещалась, то ли мысленно расчеты делала. Наконец она открыла глаза, молча собрала кристаллы и встала, слегка пошатываясь.

– Либо ты сумасшедший, либо гений, – хрипло буркнула она. – Судя по всему, и то и другое. О, бедная моя голова! Сколько же я информации сейчас впитала?

– Около сотни терабайт, – виновато отозвался я.

– О! – Феола застонала и схватилась за виски. – Головная боль на ночь мне точно обеспечена.

– Ну я не требую начинать прямо сейчас...

– Ты болван, Дерри, хоть и гений, – буркнула она. – Сейчас и надо начинать. Пока все впечатления свежи. Ты ведь совершенно не представляешь, как работают биологи. Мы же имеем дело с миллиардами клеток, которые надо создать и заставить работать как следует. Неужели ты думаешь, что мы можем все это рассчитать? Все на догадках и интуиции. Биолог без интуиции может быть кем угодно, но только не биологом. Надо ведь не только знать, но и чувствовать, как поведет себя клетка отдельно и вместе с остальными.

Продолжая читать мне лекцию, Феола обошла ванну с кристаллом еще раз.

– Боюсь, моих сил может не хватить. У тебя есть кристалл Силы?

– Ха. Спрашиваешь. – Я тут же положил перед ней два кристалла. – Моя последняя разработка. Полная зарядка.

Феола мысленно прощупала один и заулыбалась:

– Господи, сколько же там энергии. Дерри, ты должен будешь подарить мне один такой. Считай это платой.

– Я тебе лучше сделаю.

– Договорились. А теперь марш отсюда и не мешай мне работать! Зайдешь через два часа. Думаю, к тому времени все будет ясно. Так или иначе.

– Ты создашь разум за два часа?! – изумился я.

– Не говори глупостей! – рявкнула, выведенная из себя, Феола. – Я сказала марш отсюда! И раньше, чем через два часа даже не появляйся! И я не умею создавать разум! Я не Господь Бог! Потом все объясню. Уматывай!

Я моментально выскочил из мастерской в центральную пещеру и плюхнулся в кресло. Посмотрел на закрывшийся за мной проход. Интересно, что она подразумевала, когда говорила, что не умеет создавать разум? Ведь создают же биологи биокомпьютеры? А по всем законам Солнечной биокомпьютеры признаны разумными со всеми правами и обязанностями. Честно говоря, я думал, что она и встроит такой биокомпьютер в кристалл. Судя по всему, я не прав. Но что она тогда планирует?

Камень за Феолой закрылся, и в пещере снова стало тем-

но. Темно и тихо. Чтобы немного отвлечься, я пододвинул к себе псипроэктор для моделирования структуры кристалла и стал разрабатывать связующий элемент новой схемы, о которой недавно говорил сестре. Не самая сложная работа. Если бы не волнение, я бы справился с ней за час. А так я постоянно ловил себя на том, что прислушиваюсь к происходящему в соседней комнате. С грехом пополам удалось только наметить заключительный контур, когда истекли два часа. Убрал проэктор и мигом о нем забыв, я рванул в мастерскую.

Феола лежала рядом с ванной, широко раскинув руки. Даже сквозь плотный загар проступала смертельная бледность. Ее аура еле-еле светилась. Перепугавшись и побледнев не хуже сестры, я подскочил к ней и схватился за один из кристаллов Силы. Он оказался выкачан до дна. Вот это да! Да в нем энергии столько, что гору сдвинуть можно! Второй, к счастью, оказался полон. Я сжал его в кулак, а другую руку положил сестре на лоб. Закрыв глаза, активизировал кристалл, перекачивая энергию из него Феоле. Наконец ее ауру я стал ощущать достаточно отчетливо. Остановив поток, я взглянул на сестру. Та слабо шевельнулась и открыла глаза. Посмотрела на меня мутным взором.

– Была бы моя воля, – прохрипела она, – я бы всех гениев давила еще в колыбели. Ради спокойствия человечества.

Я облегченно рассмеялся, приподнял ее и обнял:

– Я тебя тоже люблю! Господи, Филька, как же ты меня напугала!

– Тогда считай, что мы квиты, – отозвалась она. – И отпусти меня наконец! Лучше помоги выбраться из этой твоей пещеры.

Я моментально оказался на ногах и, подхватив сестру на руки, вынес наружу, аккуратно положил на траву. Феола расслабилась, потянувшись навстречу весеннему солнцу.

– Спасибо, – блаженно протянула она. – Но мог бы и просто пролевитировать меня наружу. На руки хватать вовсе не обязательно.

– Зато так романтичней.

Пока Феола восстанавливала силы, я нетерпеливо скакал вокруг нее, с трудом сдерживая расспросы. Самое главное, что меня интересовало, – получилось или нет. При этом я видел, что сестра с ехидством наблюдает за моими плясками сквозь полуприкрытые веки и совсем не спешит рассеять мои тревоги. Я понимал, что это она делает специально, но что я мог поделаться? Тут мне в голову пришла одна мысль...

– Феол, а ты не забыла, зачем пришла ко мне?

Сестра моментально открыла глаза и села.

– О, боже! Меня же родители за тобой послали! А я сама пропала на три часа. Так, нас обоих убьют. Сначала прочитают лекцию, а потом убьют. И меня первую. Ну что смотришь? Помоги встать. По дороге поговорим.

Я протянул ей руку и, когда она поднялась, зашагал рядом, поддерживая ее за локоть. Феолу все еще пошатывало.

– Ну как? – заговорил я, переходя на мыслеобщение, что-

бы по дороге успеть обсудить как можно больше вопросов. Если продолжать общаться словами, то нам и суток не хватит. А так за те десять минут, что нам идти до дома, можно научный трактат обсудить.

– Не знаю, – честно ответила Феола. – Надо смотреть. Зародыш я посадила. Показала свободные каналы в твоём кристалле. Повезло, что твоё творение такое сложное и в нём куча незадействованных каналов. Я их специально отметила, когда смотрела техническое описание. Но теперь придется растить кристалл уже целенаправленно, с учетом зарождающегося разума. Тебе, кстати, надо будет еще дополнительные каналы сделать.

– Совместить кристалл с живым организмом? – восхитился я. – Вот это да! О таком я не думал.

– Не с организмом, – поморщилась Феола. Её мыслеобраз светился недовольством. – А с живыми клетками. И чему ты удивляешься? Такое давно используют. Правда, не с кристаллами. С ними никогда необходимости не возникало. Но технология уже отработанная. Нам только связи надо сделать более глубокими. Клетки же эти должны служить чем-то типа нервной системы.

– Понятно-понятно, – поспешно проговорил я, мало что поняв. – Ты лучше скажи, у тебя получилось или нет?

Феола задумалась.

– Через две недели скажу. Через месяц станет понятна структура разума. Через три можно приступать к обучению.

– Обучению?

– Ну ты как маленький, Дерри! Мы же получим новорожденный разум. Естественно, его надо будет обучать. В общем, если все пойдет как надо, через полгода у тебя появится первый в мире кристалл с искусственным интеллектом. Но, понятно, все это время придется контролировать его развитие. Эх, а я с подругами на следующей неделе собиралась на северный полюс сгонять, на лыжах покататься.

– Ну, в общем, если ты скажешь, что надо делать...

– Фигушки тебе. Из тебя биолог, как из меня геолог. И раз уж я заложила зачатки разума, то и несу ответственность за него согласно уложению права Солнечной системы. Короче, мы в ответе за тех, кого приручили.

Я захихикал:

– Значит, теперь ты будешь мамой?

– А по шее, папа? – То, что сестренка ограничилась угрозой, а не сразу реализовала ее, говорило о том, насколько предыдущее действие вымотало ее.

– Значит, у нас есть полгода до того момента, как разум разовьется?

– Да. Если я нигде не ошиблась.

– Не ошиблась. Я верю в тебя. Нам просто обязано повезти! Такой труд не должен пропасть.

– Ты себя уговариваешь или меня?

Я обернулся и посмотрел на вход в мастерскую, от которой мы еще не так далеко удалились. Сама лаборатория рас-

полагалась в скале под землей. На поверхности виднелась только небольшая ее часть, с похожим на дыру входом. Но даже эта пещера казалась здесь, на поляне посреди леса, совершенно неуместной. М-да... и что мне в голову ударило устроить мастерскую здесь? Задал же я работу геологам выдавливать эту каменюку из земли. Нет, чтобы, как все нормальные мастера-кристаллоеды, построить лабораторию в горах, где всего-то и надо прорезать сеть пещер. Но вот люблю я лес. Конечно, я не слышал, что говорили про меня геологи, когда я указал именно это место, да тогда я и вряд ли задумывался над той работенкой, что подкинул им.

Я ехидно усмехнулся. А все потому, что мастер мог работать только там, где ему комфортно. Вот интересно, если бы мне было комфортно работать в Антарктиде, они бы и там скалу выдавливали? Хотя... какие там скалы. Скорее всего, ее туда просто доставили бы и вморозили в лед. Ха, жаль, мне тогда эта идея в голову не пришла.

Все-таки интересно, почему кристаллы так любят пещерный холод, что приходится идти на подобные ухищрения? Но вот отказывались кристаллы расти, если вокруг не было камней, и все. Вернее расти-то они росли, но сил на это требовалось... Никакой кристалл силы не поможет.

– И себя тоже, – честно признался я.

– Ну... опыт у меня есть. Не зря же я проходила испытания в институте генетики.

– Это где вы создаете разные фольклорные элементы?

– Почему это фольклорные элементы? – обиделась Феола.

– Ну а как еще назвать эльфов, гномов, леших и русалок?

– Я бы попросила... – тут же вскипела Феола. Она всегда болезненно реагировала, если пренебрежительно отзывались о ее работе. – Все они очень помогают людям.

– Какими запланировали, такими и родились.

– Альвандер, еще одно слово!

– Молчу-молчу.

– И все они, согласно законам Солнечной, признаются разумными и равноправными гражданами. Со всеми вытекающими...

– Да я разве против? – отбивался я. – Ничего против остроухих не имею. Как и против крепышей. Я просто опасюсь, что в один прекрасный момент кому-то придет в голову создать вампира.

– Не говори глупостей. На создание по, сути, новой расы требуется одобрение двух третей населения Солнечной. А вампиров, – Феола отмахнулась от комара, – и без того хватает. Зачем они нужны?

– Понятия не имею. Но я заранее против вампиров! Так и знай!

– Ты так говоришь, будто вампиров собираются создавать уже завтра.

– А вдруг? По крайней мере, когда создавали остальные расы, меня не спрашивали.

Феола фыркнула и расхохоталась.

– Когда их создавали, тебя еще и на свете не было.

За время нашей прогулки сестра вполне оправилась и достаточно твердо стояла на ногах. Я осторожно отпустил ее локоть. Вокруг шумел лес, я внимательно прислушался к нему и подошел к краю тропинки. Потом поднял руку и наставил на кусты ежевики, росшие вдоль тропинки. Кусты затрепетали, словно под порывами ветра. Я подставил ладони, куда тут же полетела ежевика.

– Хочешь ежевики? – поинтересовался я, оборачиваясь к сестре.

– Лентяй, – хмыкнула она, выбирая ягоды покрупнее. – А самому слабо слазить? И нарвать ручками? Как наши предки делали?

– Я всегда думал, что наши предки были слегка сумасшедшие. Лезть в эти колючие кусты? Нет уж, увольте. Мы уж так, по-простецки.

– А ты еще что-то имеешь против леших и эльфов. Между прочим, это они сажают ягоды вдоль всех дорог и тропинок.

– Ничего такого я не говорил. Я их всех очень уважаю и выступаю только против вампиров!

– Дались тебе эти вампиры! – возмутилась Феола. – Сейчас есть только эльфы, гномы, лешие, русалки и...

– ...и драконы, – закончил я, разглядывая небо, где обнаружилась какая-то стремительно увеличивающаяся точка.

– И драконы, – подтвердила Феола, проследив мой взгляд. – И других пока не планируется.

Мы вышли из леса на поляну, на которой стояли несколько резных деревянных домов. Но не бревенчатых срубов. Они казались единым целым. Впрочем, так оно и было. Все эти дома на самом деле не сделаны, а выращены. Каким образом эти трюки проделывают биологи, я не знаю, и не хочу даже вникать. Одно точно – эти дома живые. Они цветут летом и теряют листву зимой. Летом листва покрывает крышу и свисает с нее вдоль стен, даря прохладу. Зимой тонкие побеги переплетаются в такие узлы, что служат великолепной теплоизоляцией для дома. Внутри же всегда приятно пахнет свежим деревом.

Наш дом – двухэтажный особнячок с небольшим балконом – стоял чуть в стороне от остальных из-за сада, в котором любила работать мама.

Тут точка, за которой я наблюдал все это время, выросла до своих нормальных размеров и оказалась довольно внушительного размера драконом. Подняв крыльями целый ураган, он приземлился рядом с соседним домом. Я разглядел на его спине девчущку лет десяти. Увидев нас с Феолой, она радостно замахала рукой. Мы помахали в ответ. Девчущка, расстегнув страховку, соскользнула со спины дракона и ласково похлопала по шее своего «коня».

– Феола, – крикнула нам девчущка. – Я к тебе зайду сегодня, можно? Мой зайчик что-то заболел.

– Конечно, заходи, Валь, – улыбнулась ей сестра. – Посмотрим на твоего зайчика.

Валентина заулыбалась в ответ:

– Иди, Гоша. Сегодня ты мне уже не понадобишься.

Дракон посмотрел на девочку сверху вниз.

– Тогда я пойду жрать, – заявил он утробным басом и повернулся в сторону леса. Да, драконы всегда отличались манерами, точнее их полным отсутствием. Но, не дойдя до него, вдруг развернулся и затопал к нам.

Мы с Феолой удивленно переглянулись и остановились, дожидаясь дракона. Тот подковылял к нам и неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Что случилось, Гош? – поинтересовалась Феола у него.

Дракон неуклюже повернулся к ней боком:

– Болит. Помоги.

– Болит? – Феола нахмурилась, изучая подставленный бок. – Где?

Гоша изогнул шею и ткнул носом:

– Тут.

Сестра положила на указанное место ладонь и закрыла глаза. Потом нахмурилась.

– И давно у тебя болит?

– Не помню, – отозвался дракон. – Неделю.

Феола только руками всплеснула:

– И ты неделю ходишь с этой болью?! Ну почему ты не подошел к кому-нибудь? Тебя бы вылечили за пять минут!

Дракон качнул головой:

– Думал, так пройдет.

Сестра возвела глаза к небу в беззвучной молитве. Потом, не вступая больше в дискуссию, положила руки дракону на бок. Сосредоточилась. Вокруг ее ладоней появилось слабое сияние. Вот оно расплзлось по драконьей чешуе и впиталось внутрь. Гоша вздрогнул и покосился на бок.

– Прошло вроде, – обрадованно заявил он. – Спасибо.

– Ты в следующий раз не надейся, что «так пройдет», а сразу обращай за помощью.

– Ладно, – согласился Гоша и, махнув на прощание хвостом, отправился «жрать».

– Думаешь, послушает? – поинтересовался я.

– Куда там, – махнула рукой Феола. – Упрям как... как...

– Как ты, – подсказал я, после чего мне с трудом удалось заблокировать мысленную оплеуху. Второй я ждать не стал и спасся бегством в дом. Силы сестренка восстановила довольно быстро.

Глава 2

Едва я проскочил сени и оказался в комнате, как неведомая сила подняла меня в воздух. Влетевшая следом Феола оказалась точно в таком же положении и теперь болталась рядом со мной, дрыгая ногами.

– Наконец-то соизволили прибыть, – ехидно заметил отец. Он сидел в плетеном кресле и с притворной суровостью (по крайней мере, мне хотелось верить, что с притворной) глядел на нас. Тут мой взгляд упал на его рубашку из кожи молодого дракона, и я сразу обо всем позабыл. Точно! Ведь Гоша как раз скоро линять собрался. Надо будет у него старую кожу выклянчить. Мне она срочно нужна для опытов. Интересно, что Гоша на этот раз потребует? В прошлый раз, помнится, он заставил меня выращивать корону из кристаллов с особыми свойствами. Тогда я долго гадал, зачем ему она, пока не заметил его с какой-то молодой драконочкой, перед которой он в ней и красовался.

– Ну, пап, – заканючила Феола. Прекратив дергаться, она смиренненько висела в воздухе с видом примерной девочки. – Ты же знаешь Альвандера. Как увлечется своими кристаллами, ничем из пещеры не выманишь.

Я только вздохнул. Ну спасибо, сестренка. Теперь я крайним оказался. Нет, я, конечно, виноват, но ведь и она задержалась у меня по своей воле. И не оправдаться теперь никак,

иначе придется все рассказать о кристалле. На такое я пойти не мог, и Феола прекрасно об этом знала. Спасибо, милая сестрица.

– А в комнату тебя заставил забежать, не вымыв ног, тоже Альвандер?

Я украдкой показал сестре язык. Съела? Та в ответ продемонстрировала мне за спиной кулак.

– Вы там потом друг другу кулаки и языки будете показывать, – вмешался в наш содержательный диалог отец. Я и Феола еще ниже опустили головы. Я делал вид, что изучаю ноги. Грязноваты слегка. Феола, похоже, занималась тем же. – Значит, так, сейчас мыть ноги, а потом я с вами поговорю. Марш отсюда!

Та же сила, что держала нас в воздухе, распахнула перед нами дверь и вынесла из комнаты в коридор. Как только дверь за нами захлопнулась, я снова почувствовал притяжение и с высоты примерно метр грохнулся на пол. А вот Феола только слегка качнулась вниз, но тут же снова уверенно повисла в воздухе.

– Неумеха, – хмыкнула она.

Я насупился. Действительно сплоховал. Чтобы как-то оправдаться, я тут же взмыл в воздух и метнулся к дверям в сени. Феола ругнулась и помчалась за мной, но эту гонку она проиграла, еще не начав. Я вылетел в сени, захлопнул за собой дверь и тут же запечатал ее. Прислушался. Как и ожидал, сестра попыталась силой мысли распахнуть дверь и

проскочить ее, не снижая скорости. Сработала моя блокировка... дверь не раскрылась... бум... Я втянул голову в плечи и осторожно выглянул в коридор. Феола сидела на полу и потирала наливающийся синевой нос.

– Прости... так получилось.

Феола мрачно поглядела на мою сияющую физиономию и почему-то моему раскаянию не поверила. Скопив глаза на нос, слегка коснулась его кончиком пальца. С пальца соскользнула искорка и тут же растворилась в начавшемся образовываться синяке. Синева на глазах спала, и через мгновения никаких следов столкновений не осталось.

– Между прочим, я чуть нос себе не сломала! – заявила она мне.

– Потратила бы чуть больше силы и чуть больше времени, – безжалостно отозвался я. – А этот раунд за мной.

Феола нехотя кивнула, признавая поражение.

– Ну ладно. Я тебе еще отомщу!

– Ничуть не сомневаюсь. – Я прошлепал к небольшому деревянному корыту, стоявшему как раз рядом с входной дверью, и встал прямо в него. Тотчас сквозь дерево стала просачиваться влага. Вода пенилась, приятно холодя ноги и омывая их. Я потоптался, чтобы грязь смылась и со ступней. Наконец процесс мытья закончился, и я осторожно шагнул из корыта на пушистый коврик, постеленный рядом. Ворсинки зашевелились, вытирая ноги. Хорошо! Я посмотрел в корыто. Вода уже успела снова впитаться деревом, а попавшая

в нее грязь выделялась и шла на нужды нашего дома, поскольку в ней могли содержаться какие-нибудь полезные соли или минералы. А то, что использовать нельзя, в виде отходов скапливалось в специальном резервуаре-дупле. И было у меня нехорошее предчувствие, что чистить это дупло в самом скором времени придется мне.

– Да отойди ты с коврика, – толкнула меня Феола. – Все занял. Мне тоже надо ноги вытереть.

Я поспешно отошел в сторону, давая возможность сестре выбраться из корыта.

В комнату мы вошли осторожно и встали рядком, как и полагается благовоспитанным детям. Ну прям ангелочки, только без крыльев и нимбов. Отец осмотрел нас с ног до головы.

– Ну и что же мне с вами делать?

– Пап, – попытался оправдаться я. – Понимаешь, я никак не мог бросить один очень важный эксперимент. Его обязательно надо было довести до конца. Иначе все сначала начинать.

– Считаешь это уважительной причиной? Между прочим, мы вас ждали, не садились за стол. Специально послали за тобой сестру. Впрочем, вы друг друга стоите – опоздали оба. Да, оправдываться бесполезно. Сестра тоже молчала.

Отец покачал головой.

– Ох, Альвандер, ну когда же ты наконец научишься ответственности и собранности? Тебе ведь уже четырнадцать

лет. Один из лучших мастеров Солнечной. Порой я поражаюсь, как в тебе совмещаются твоя несобранность и твой талант. Пора бы уж научиться распределять время. Ладно, идите обедать, потом поможете матери убрать папирус. Пришел заказ на большую партию. Идите.

Ура! Крайне довольный таким исходом, я поспешил к двери.

– Да, Альвандер, – остановил меня ехидный голос отца. – После того как поможешь матери, почисти пожалуйста дуло-резервуар. Давно пора им заняться.

Упс. Вот это, называется, «влип». И ведь как чувствовал. Может, у меня пробуждаются таланты ясновидца?

В коридоре сестра сочувственно повздыхала со мной за компанию. Чистка дула-резервуара – это такое наказание, что даже не всякому врагу пожелаешь.

Остывший обед ждал нас в деревянных мисках в столовой. Я машинально разогрел его и без аппетита принялся за еду.

– Все равно это несправедливо, – буркнул я.

Сестра промолчала, и разговор, не начавшись, зачах. Без аппетита съев свою порцию, я взглядом отправил миску в специальный резервуар-накопитель и направился к выходу. Сестра, терпеливо дожидавшаяся меня, тоже поднялась.

Наша с сестрой мама агроном. Кто знает, тот поймет. У нее просто поразительный талант выводить разные новые растения. И этих новых видов растений за ее шестисотлет-

нюю жизнь у нее накопилось столько, что хватило бы на пару институтов. Между прочим, ее не раз и приглашали в разные институты на кафедру селекции растений, но мама всякий раз отказывалась.

– Ну вот еще, – говорила она. – Куча народа начнет указывать мне, какой проект считать важным для человечества, а какой нет. Нет уж. Я лучше буду делать то, что мне нравится.

Агроном от бога, она занималась в основном тем, что остальные считали ерундой. Она могла работать годами, выводя новый сорт розы с необычным оттенком запаха или цвета. Наш дом в этом отношении шедевр ее творчества. Весной, когда сходил снег, на крыше расцветали сотни белых цветов, наполняя воздух мягким ароматом. Мне даже сложно сказать, чем пахло, поскольку запах, как и цветы, вывела мама и аналогов во всей Солнечной они не имели. Но пахнет потрясающе. Мама для каждого месяца подбирала свой цвет и запах. Белый – цвет апреля. Май – красный. И аромат совсем другой. В июне господствовал розовый, а в июле нежно-фиолетовый цвет. В сентябре же полным господином являлся цвет золотистый. И если такое чудо творилось с домом, то попробуйте представить, что было в саду. Уверяю, любая фантазия все равно поблекнет перед реальностью. Ее сад бурлил жизнью. Она плескалась там через край. В нем хотелось не ходить, а летать. И когда мама звала нас помочь там, то не было для нас с сестрой лучшей награды.

Правда, на этот раз нас ждал не сад, а огород. Там мама

работала. Разводила растения на заказ. Как она удрученно признавалась:

– Жить-то нам на что-то надо? Будь моя воля, я бы и не вылезала из сада.

Отец недоверчиво хмыкал, но молчал. Мама же, притворно жалуясь на усталость после огорода, отправлялась в сад, как она говорила, отдыхать душой.

Маму мы нашли рядом с зарослями папируса, который рос вдоль берега речки. Она озабоченно разглядывала высокие стебли.

– Хорошо, что вы пришли, – заметила она, не поворачивая головы. – Честно сказать, я в растерянности.

– А что случилось, мам? – Феола выскочила вперед. – Нужна помощь?

– Ну да, – мама посмотрела на нас. – Я попросила отца отправить вас сюда, как только вы поедите.

Мы с Феолой виновато переглянулись. Оказывается, мама нас ждала, а мы там с этим кристаллом увлеклись...

– Что надо делать?

– Альвандер, может, у тебя есть подходящий кристалл для такого случая? Тут пришел заказ на тысячу листов папируса определенного формата.

Я озадаченно посмотрел на поле. И в чем проблема? По моим прикидкам, здесь папируса на миллион листов хватит. Бери не хочу. Мама заметила мою озадаченность.

– Понимаешь, я здесь недавно высеяла новый вид. Хочу

поэкспериментировать с окраской тканей папируса. Проблема в том, что внешне они все одинаковы, а цвет папирус меняет только после обработки. Так что по срезу трудно сказать, каков будет результат. А заказ срочный.

Ага. Теперь ясно. Ну в этом вся мама. Совершенно не умеет планировать. Могла же высеять этот ее эксперимент отдельно? Я почесал голову.

– Похожи они только внешне, – глубокомысленно заметил я. – Внутренняя структура их все-таки отличается. Я мог бы настроить фильтр по резонансу на нужные нам параметры, если бы знал который именно нужен.

Феола мигом меня поняла. Она тут же нарвала охапку папируса и разложила ее перед собой. Закрыла глаза, повела над ними рукой. Тут же начала сортировать охапку.

– Мам, а сколько ты цветов делала? – поинтересовалась сестра, не открывая глаз.

– Пять.

– Тогда все. – Сестра поднялась с колен и стряхнула с них пыль. – Альвандер, вот тебе пять разных видов.

Я подошел к разложенным кучкам. Присмотрелся. Сам папирус внешне похож на пальму ростом с человека – прямой ствол и листья на вершине, росшие словно изнутри. Хотя ствол у папируса не колючий, а совершенно гладкий.

Я задумчиво обошел каждую кучку и изучил внутреннюю структуру растений, но с ходу отличия между ними не нашел. Феола, наблюдавшая за моими действиями, тут же про-

телепатировала мне о них.

– Ага, – обрадовался я. Потом задумался. Что же теперь делать? Можно, конечно, вырастить кристалл с нужными свойствами, но это день потерять. Ладно, попробуем без кристалла. Есть тут одна мысль. – Какой именно папирус нам нужен?

Мама выбрала нужный образец и подала мне. Я отломил кусок стебля, зажал его в кулаке и внимательно окинул взглядом поле. Можно начинать. Все звуки для меня умерли. Исчезло все вокруг. Осталось только поле папируса и травинка, зажатая в кулаке. Я сосредоточился и послал в нее мысленный импульс. Тот отразился. Вот оно! Уловив этот отраженный сигнал, я направил его прямо на поле. И вот тогда, отзываясь на него, затрепетали растения, но только те, чья структура походила на структуру папируса в руке.

– Собирайте те, что колышутся, – велел я, не отрывая взгляда от поля.

Те стебли, что дрожали на несуществующем ветру, сразу же после моих слов стали отрываться от земли и один за другим полетели куда-то в сторону.

– Собирайте больше, – велел я. – Я еще не уверен, что точно определяю. Потом, когда смастерю нужный кристалл, будет легче.

– Ты не отвлекайся, – посоветовала мне сестренка. – Мы тут и без тебя разберемся. Хотя... уже все.

Я облегченно расслабился. Поле перестало трепетать и за-

тихло. А рядом со мной, стебель к стеблю, лежал папирус.

– Ну вот и славно, – улыбнулась мама. – Я даже не знаю, что бы без вас делала. Давайте теперь очистим его от листьев, а потом в мастерскую.

Очистка папируса от листьев работа не сложная, но муторная. Зато отличная тренировка. Надо мысль поднять один стебель, мыслью же оторвать от него листья. Потом стебель положить отдельно, а листья отдельно. Листья пойдут на удобрения, а стебли в дело. С полутора тысячами стеблей мы втроем управились за полчаса. Я облегчено вздохнул и расслабился, восстанавливая энергетический баланс. То же самое сделала и Феола. А вот мама как ни в чем не бывало уже шагала в сторону мастерской. Перед ней плыли и заготовленные нами стебли.

– И почему ты не хочешь использовать для этой цели кристалл? – простонала Феола. – Мы бы с его помощью со всем этим справились за пять минут.

– Даже не подумаю, – фыркнул я. – Нам надо тренироваться. И если можно обойтись без кристалла, то мы обойдемся без него.

– Злодей, – буркнула сестра. – Тогда вставай и пойдем. Работа еще не закончена.

Я нехотя поднялся. А может, правда использовать кристалл? Ну нет. Никакой слабости. Справимся и без него.

В мастерской вдоль стен уже стояли заранее подготовленные высокие и узкие бочки чуть выше меня каждая, запол-

ненные специальным раствором. Мама опускала в них принесенные стебли.

– Присоединяйтесь, – пригласила она нас.

Деваться некуда. Скучная работа и однообразная. Потому-то, наверное, мама и торопится поскорее ее закончить. Я принялся топить стебли в бочках. А ведь потом еще придется помогать этому папирусу пропитываться раствором, иначе слишком долго мокнуть ему там придется.

Особенность папируса та, что он рос тонкой пленкой, накручивающейся на сердцевину. Чем старше растение, тем толще у него стебель и тем оно выше. Намокая, пленка отслаивалась и укреплялись, становясь прочной и эластичной. Через два часа из бочек мы достали почти готовые рулоны папируса. Мама расстелила на полу холст, на котором мы развернули первый стебель. Теперь отрезать сердцевину и сверху постелить новый холст. Уже на нем развернуть следующий стебель и новый холст сверху. И так слой за слоем. Когда этот «пирог» оказался достаточно большим, мы рядом стали складывать новый.

– Ну как тут у вас? – В мастерскую заглянул отец. – Работаем?

– Работаем, – дружно отозвались мы с Феолой.

– Великолепный папирус получился, – заметил он. Мама расцвела:

– Я так трудилась над этим сортом. Он и впитывает раствор быстрее, и эластичней, и крепче обычных сортов.

– Конечно-конечно, – рассмеялся отец. – Я уже видел одобрительные отзывы в твой адрес на этот сорт. Его готовят на замену старым.

– Правда? – изумилась мама. – Как замечательно!

– Конечно, замечательно, – согласился с ней папа, потом повернулся к дочери. – Феол, там к тебе Валентина с кроликом пришла. Говорит, что он заболел.

– Да, она обещалась прийти. – Феола выпрямилась и вытерла пот со лба. – Я, правда, думала, что она позже зайдет.

Мама тоже встала и оглядела результат нашей деятельности.

– Иди, дочка. Дальше мы и без тебя управимся. Немного осталось.

Я воспользовался перерывом, чтобы немного отдохнуть. Отец и сестра ушли, и мы снова принялись за работу.

– Ну вот. – Последний стебель лег на холст, и мама удовлетворенно оглядела подготовленные стопки. – Теперь сушим. Ты готов? А может, все-таки воспользуемся кристаллом? – поинтересовалась мама, заметив мой усталый вид. Я упрямо потряс головой. – Ну как знаешь, юный упрямец. – Последние слова вроде не похвала, но сказаны они были таким тоном, что я даже возгордился. Чувствовалось, что мама довольна моим упорством. – Давай!

Мы одновременно вскинули руки и направили их на стопки. Воздух вокруг наших ладоней стал нагреваться, возникло марево, как в жаркий полдень. Ладони нестерпимо жгло.

Я поскорее направил ток воздуха на сложенные на полу стопки. Стало немного полегче. Так, теперь не отвлекаться. Главное сосредоточенность. Ветер усилился, гоня раскаленный воздух на папирус. Мама действовала с другой стороны. Так с двух сторон мы по очереди и работали с каждой пачкой. Наконец мама решила, что этого достаточно. В тот же миг и мои руки бессильно упали вдоль тела. Я согнулся пополам, отчаянно глотая горячий воздух. Так опустошал я свои внутренние силы только при работе с особо сложными кристаллами. Кое-как выбравшись из мастерской, я шлепнулся на траву.

Да, если я в чем-то и завидовал взрослым, то только их, как я считал, неисчерпаемым резервам энергии. Но я понимал, что все это результат многолетних тренировок. И очень может быть, что мои способности, когда я вырасту, окажутся гораздо большими. Ведь каждое новое поколение Земли в управлении пси-силами талантливее предыдущего. Только вот пока существует Граница, мы словно в тюрьме. Нам, как подачку, бросили четыре планеты из девяти. И нам некуда расти дальше. Пока существует Барьер, будущего у Земли нет – он висел над всей Солнечной словно дамоклов меч. Мы не могли выбраться за него и не знали, что происходит там. Этой проблемой я займусь сразу, как только мой Великий Кристалл обретет полную силу. Через полгода. И эти полгода надо посвятить подготовке к экспедиции. Многое я уже сделал, но еще многое предстоит...

– О чем задумался?

– А? – Я растерянно моргнул и приподнялся на руках. – Что, мам?

– Я смотрю, ты о чем-то задумался. Хмуришься.

– Да пустяки. – Я пожевал травинку. – Я о Границе думаю.

– Ах вон оно что. – Мама сразу посмурнела. – Да. Сурово нас наказали.

Она вдруг отвернулась и скрылась в мастерской. Я задумчиво проводил ее взглядом.

Наказали? У любого наказания есть срок давности. А это длится уже пять тысяч лет. Пять тысяч лет Земля отрезана от остальной галактики непреодолимым барьером. А с другой стороны... ведь если бы не барьер, то человечество еще не скоро обратило бы внимание на внутренние ресурсы человека. Сколько процентов мозга использовал человек пять тысяч лет назад? А сейчас мое поколение использует уже почти тридцать шесть. И какая продолжительность жизни была у людей той эпохи? В наше время люди живут по тысяче лет и больше. Например, теперешнему координатору Солнечной недавно исполнилось тысяча двести одиннадцать лет.

Так наказание это или нет? Сложно все это. Я посмотрел на небо. Увы, но звезд, воспетых поэтами прошлого, с Земли теперь не видно даже ночью. Проклятый Барьер скрывал все.

Ладно, дай бог, разберемся мы еще с ним. Я поднялся и следом за мамой вошел в мастерскую. Она укладывала высушенные листы папируса на ленту транспортера. Я подклю-

чился к работе. Станок у нас не очень мощный и мог за раз принять не более трехсот листов. Но больше нам и не требовалось. Уложив очередной лист, мама оценивающе посмотрела на лоток:

– Ладно, хватит. Не будем нагружать старичка. Этому станку ведь уже почти триста лет.

– Да? – Я присмотрелся к механизму повнимательней. Многие детали сделаны еще из металла. Вообще, металл на Земле старались использовать как можно реже. После революции псиоников он медленно сдавал позиции, уступая материалам из органики, а в последнее время пластилу. Пластик вообще вещь удобная. Силой мысли его можно превратить во что угодно. Он позволял до определенного предела менять даже свои свойства – мог стать мягким, твердым, жидким, рыхлым. Вначале его использовали в основном как тренажер для детей, чтобы те силой мысли придавали ему определенную форму. Потом уже, когда он совершенствовался, стали применять в производстве. Но тогда немногие люди умели работать с ним. А сейчас... сейчас любой ребенок мастерил из него все, что пожелает. Некоторые части и в станке, как я вижу, сделаны из пластика.

– Честно-честно, – улыбнулась мама и послала мысленный сигнал на управляющий кристалл. Станок мерно загудел. Лента поползла внутрь. Я поспешно обежал его и стал ждать у выходного лотка. Наконец оттуда выпал первый лист папируса – подрезанный по размеру и идеально ровный. Я

взял его и подергал. Замечательный папирус. Эластичный, прочный, гораздо лучше и долговечней любой бумаги. Самое главное, он тоньше. А по белизне мог соперничать с ее лучшими сортами. Надо памятник поставить тому, кто вывел это растение. Ведь из одного стебля получается около пяти листов альбомного формата. А сколько деревьев надо спилить, чтобы сделать столько же листов бумаги? Конечно, еще делали специальные листы из пластика, которые изготавливали химики, но их применяли только в особых случаях. Да и дорогие они.

– Ага, все-таки кое-что мы пропустили. – Я и не заметил, как подошла мама. Она протянула руку через мое плечо и поспешно убрала с лотка пять листов папируса зеленоватого цвета. Откинула их в сторону. – Ну вот и все. Заказ готов. Сегодня же его отправлю, а потом займусь садом. – Мама мечтательно сощурилась.

– Мам, – перебил я ее мечты. – А тебе все эти листы нужны?

– Нет, конечно. Мне заказывали тысячу.

– А тут их тысяч пять. Я заберу штук пятьсот? А то у меня уже чистый папирус кончается.

– Да ты его ешь, что ли? – удивилась мама. – Я же тебе только неделю назад тысячу листов давала.

– Ну мам, мне много писать приходится. Я же эксперименты ставлю. Расчеты делаю.

– Да бери, конечно, – махнула она рукой. – Раз он тебе так

нужен, забирай не пятьсот, а тысячу.

– Спасибо, мам.

На глаз отследив положенную тысячу, я пролевитировал ее к столу. Там быстро завернул ее в упаковочную ткань.

– Я тебе не нужен больше?

– Да иди уж, помощник, – рассмеялась мама. – Спасибо.

– Пожалуйста, – весело отозвался я и зашагал к дому. А передо мной плыла упакованная пачка папируса. Не очень удобно, но... тащить тысячу листов ручками... как выражается сестренка «пупок развяжется». Вот и приходится идти медленно и осторожно, не спуская с пачки глаз. Один раз из-за этого я чуть не загремел.

Бросив упаковки в коридоре, чтобы забрать их, когда соберусь в пещеру, я прошел к себе в комнату. В дверях меня встретил отец. Заметив мой усталый вид, он усмехнулся.

– Ладно, на сегодня, считай, свое наказание отложенным.

Но завтра дупло с отходами чтоб вычистил.

– Ура! – обрадовался я, плюхаясь на кровать. В отличие от сестры, свою я, не особо мудрствуя, сделал из платила. Без излишеств, но удобно. А вот сестренка у себя в комнате вырастила гигантский пушистый лопух с мягкими валиками-краями. В нем она и спала, завернувшись в такой же пушистый лопух. Нет, я все понимаю, биолог, любовь к природе и все такое прочее, но не до такой же степени! Я все же предпочитал наволочки и простыни из ткани. Хотя... конечно, удобно, когда постель убирать не надо. Но еще неизвестно,

но, что хуже, один раз в неделю постель сменить или каждый день поливать этот лопух и следить за его самочувствием.

Но не успел я насладиться законным отдыхом, как с улицы раздался призывный крик:

– Альвандер!!!

– Чего тебе? – послал я недовольную мысль-вопрос. Лука оказался настойчивым и мое недовольство просто пропустил мимо сознания.

– Ну, выгляни ты! – опять заорал он, игнорируя возможности такой удобной мысль-связи. И главное удобство в ней то, что вставать с постели не требуется.

Ворча себе под нос о разных личностях, которые не дадут человеку отдохнуть после тяжелого трудового дня, я доплелся до окна и высунулся из него. Лука был личностью забавной: на год младше меня, с веселым и живым характером. Я бы даже сказал, чересчур живым. Из-за этого он все время брался то за одно дело, то за другое. Сегодня он занимается агрономией, завтра ботаникой, а послезавтра уже выращивает кристаллы. Понятно, что особых успехов ни в одной области ему достигнуть не удалось, что, впрочем, ничуть его не огорчало. Полагаю, он вообще не умел огорчаться. Лука был всеобщим любимцем нашего селения. Сердиться на него совершенно невозможно. Вот и сейчас стоило увидеть его довольную физиономию с улыбкой до ушей, как все мое раздражение куда-то улетучилось вместе с усталостью.

– Чего орешь?

Лука нетерпеливо запрыгал на одной ноге.

– Айда в футбол играть! Там из соседнего селения команда прибыла! Они вызывают нас на поединок.

О нет! Плакал мой отдых.

– Имейте совесть! – возмутился я. – С утра пашу без отдыха! Дайте силы восстановить! Без меня справитесь.

– Да ты что?! Ты хочешь, чтобы мы проиграли??? Альвандер, ты же знаешь, без вас с сестрой у нас нет никаких шансов!

– Вот-вот! Ты сначала мою сестру уговори.

– А она уже на поле! Меня за тобой послала!

Я ругнулся под нос. Неугомонная. И ведь придется идти. Нельзя подводить ребят. Достав из шкафа синюю майку – цвет нашей команды, я натянул ее, спортивные шорты и двинулся к выходу.

– Ты куда? – удивился отец, встретив меня в коридоре.

Я объяснил.

– А чего такой недовольный? Честь команды надо защищать. А вам брошен вызов. Обязательно приду посмотреть матч.

– Так-то оно так, – отозвался я. – Только после папируса я выжат как лимон.

– Все еще отказываешься пользоваться кристаллами? Нет, я, конечно, тебя понимаю, но на особо сложной работе могли бы и применять их.

– Особо сложная работа – лучшая тренировка.

– Решать тебе, – не стал спорить отец. – Загляни к матери в сад. Там ты быстро силы вернешь.

– Обязательно. – Если и дальше так пойдет, то скоро этот сад вообще станет моим вторым домом. Уже в менее трагичном настроении, я выскочил на улицу, где меня поджидал Лука. Заметив, что я направляюсь вовсе не на поле, он дернул меня за руку:

– Ты куда? Нам в другую сторону.

– Говорю же, я почти пуст. Ты хочешь, чтобы я в таком состоянии играл? Сейчас к маме в сад забегу, восстановлю силы.

– О! – Глаза Луки заблестели. – А можно мне с тобой? Можно? У нее такой сад... такой...

– Сам знаю какой, – усмехнулся я. – У нее там нет ни одного обычного растения. Только те, что она сама вывела. Единственные в Солнечной.

– А какие они энергетические, – блаженно прищурился Лука. Я, глядя на него, рассмеялся. Энергетические. Ха. Придумал же. Но в одном он прав – силы те растения восстанавливали значительно лучше обычных. Ведь когда человек что-то делает мыслью, он тоже тратит энергию. Порой ничуть не меньше, чем при физической работе. И потраченное надо восстанавливать. Источником же энергии является все живое на планете. Поэтому Земля сейчас превращена в цветущий сад. Саванны, джунгли, леса, поля... все было наполнено жизнью. Люди помогали всему этому расцвести, а

природа в ответ дарила людям нужную им для жизни энергию. Такой вот симбиоз планеты и людей.

Сад располагался чуть в стороне от огорода за оградой из колючих кустов. Их мама специально посадила, а то из леса к ней туда зачастила всякая живность. Очень уж нравилось им в том саду. И я их понимал. Только вот, глупые, они вытаптывали все и порой губили плоды многомесячных усилий мамы. Пришлось огородить сад колючим кустарником. Я мысленно отправил запрос. Кусты недовольно зашевелились, потом их ветки расплелись и отодвинулись в сторону, открывая проход.

– Давай, ныряй, – пригласил я Луку. Тот радостно юркнул в открывшийся лаз. Я вошел следом, а за мной снова сдвинулись кусты, превращаясь в неприступную стену.

Я вдохнул полной грудью. Всего лишь шаг, и словно в другой мир попал. Гигантские цветы, у которых каждый бутон с меня ростом, необычной расцветки дерева, а плоды... плоды... Земляника размером с кулак, малина, брусника. Ну как можно заставить плодоносить деревья, для которых еще не время? А ягоды? Мы вдвоем миновали заросли лиан, для чего пришлось чуть ли не продирается через них, и вышли на поляну. Это центр сада, и здесь мама устроила место для медитации. В сердце сада, в центре его жизненных сил. Я опустился на корточки.

– Здравствуйте! – мысленно поздоровался я со всеми в саду. Деревья приветственно зашумели. Воистину права Фео-

ла, говоря, что этот сад обладает своим, особенным разумом. Я долго пытался понять, почему мне требовалось намного больше времени для восстановления сил, чем ей. Казалось, сад отдавал сестре энергию намного охотней, чем мне. Я тогда долго сопел по этому поводу и пытался отыскать хитрость в ее действиях. Потом все-таки не выдержал и спросил напрямик. Помнится, даже обиделся сначала на совет, но потом ему последовал и извинился перед садом... и сам был поражен результатом.

– Он действительно разумен! Я чувствую это!

– Ничего удивительного, – отозвалась тогда сестра. – Мама ведь возится с этим садом с девяти лет. Сколько любви она сюда вложила. Вот он и отвечает взаимностью. Главное – с ним вежливым быть, и он тебе ответит своей любовью...

Я покосился на Луку. Тот уже устроился рядом со мной и терпеливо ждал разрешения. Я кивнул ему:

– Сад не возражает против тебя. Ты ему даже нравишься.

– Я всем нравлюсь, – улыбнулся он во весь рот. – Ну ладно. – Он закрыл глаза и выставил ладони навстречу солнцу, впитывая энергию, разлитую вокруг. Я последовал его примеру.

Минут через десять я встал, слегка пошатываясь от переизбытка силы. Это же сколько я впитал? Надо быть все же поосторожнее. Переизбыток силы такой же неприятный момент, как и ее недостаток. Надо срочно куда-то этот самый избыток деть, пока не опьянел. Не особо мудрствуя, я тут

же прошелся по всему организму, излечивая малейшие повреждения и раны. Заодно влил побольше энергии в кровь и прогнал ее по всему организму, очищая его от всяких шлаков и других гадостей, скопившихся в нем. Потом посмотрел на Луку. Тот стоял, прикрыв веки и слегка пошатываясь. Так, похоже, этот перебрал. Для проформы я слегка потряс приятеля за плечи. Ноль эмоций. Вот это и есть опьянение силой. И что мне теперь делать? Ну, Лука, держись. Я коснулся пальцами его висков. Нащупал энергетические каналы внутри организма и открыл все шлюзы. Поток энергии, выкачиваемой из Луки, захлестнул меня с головой. Счастье, что я оказался готов к этому и моментально организовал канал, сбрасывая ее обратно в сад. Лука распахнул глаза и удивленно уставился на меня:

– Что...

Я тут же прервал контакт. Не хватало еще опустошить приятеля.

– То, – огрызнулся я. – Перебрал ты немного и опьянел. Пришлось сбросить излишек. Ты как сейчас?

Лука прислушался к себе.

– Нормально. Спасибо. Альвандер, прости, я сам не заметил. Но тут так... так замечательно...

– Ладно тебе. Просто умей контролировать себя. А сейчас нам пора на поле. Полетели.

– Ой, только без полетов, – взмолился Лука.

– Гм. Понимаешь, я тоже слегка перебрал энергии, и мне

надо избавиться от части ее. Поэтому и предлагаю лететь.

– Ну раз так... – Лука вздохнул. – Ненавижу полеты, – буркнул он, отрываясь от земли.

– Почему? – удивился я, догоняя его.

– Я высоты боюсь, – покраснев, признался он.

Я ошарашенно уставился на него, а потом захохотал.

– Тебе смешно, – обиженно пробурчал он. – А я вот ничего не могу с собой поделаться. Понимаю, что глупо, но... Ты видишь, что лечу я не очень высоко.

Это да. Летели мы на высоте примерно метр от земли.

– Что ж ты молчал, дубина? – с усмешкой поинтересовался я. – Сказал бы моей сестре, думаю, она сумела бы разобраться, что к чему. Она же биолог и врач.

– Мне стыдно, – совсем покраснел Лука.

– Ну и болван.

– Да знаю я. Поэтому вот и признался сейчас тебе.

– И это хорошо. Но с Филькой все-таки поговори. Плохого она тебе не сделает.

– Ладно. Потом как-нибудь.

– Вот и ладушки. А скорости ты не боишься?

– Скорости? – удивился Лука. – Скорости не боюсь.

– Тогда догоняй! Жду тебя на футбольном поле! – Я резко прибавил скорость и помчался навстречу солнцу. Лука, что-то крича, гнался за мной.

Несмотря на мое хвастовство, опередил Луку я не сильно. Тот опустился на поле почти сразу за мной и сразу высказал

все, что думает обо мне и этом соревновании. Правда, тут же рассмеялся.

– А мчались мы и правда здорово. Я один раз чуть ворону не сшиб. Вот она удивилась, небось.

– А догони, спроси, – ехидно посоветовал я.

– Вот вы где! Явились наконец! Лука, тебя только за смертью посылать! Где вы пропадали?

Я обернулся. Позади меня, уперев руки в боки, стояла сестренка, одетая в такую же синюю майку и шорты, как у меня, и грозно смотрела на нас. А чуть в стороне располагалась и вся наша команда, которая сейчас приветственно махала нам. Команда противника собралась у ворот напротив и о чем-то оживленно переговаривалась. И даже трибуны оказались почти заполнены. Много незнакомых лиц. Похоже, это родители игроков наших противников. Ага, а вон там из нашего селения сидят. Тут на тропинке показались родители. Я помахал им. Мама улыбнулась и кивнула, отец поднял над головой в рукопожатии руки и потряс ими.

– Ну что ты все по сторонам смотришь? – не выдержала Феола. – Ты сюда играть пришел или как?

– Просто я думаю, что можно было об игре заранее договориться. Тогда пришел бы вовремя.

– И где ты был с утра, чтобы с тобой могли договориться? – ехидненько поинтересовался Лука. Я намек понял и заткнулся. Но все равно могли бы и раньше сказать. Феола могла бы, в конце концов. Не верил я, что она забыла. –

Просто в соседнем селении под землей началась стройка какого-то завода, – все-таки пояснил Лука. – Туда как раз отряд гномов пришел. Видишь, вон на трибунах их дети сидят? Пока взрослые там что-то меряют и чертят, те, кто не занят в проекте, пришли в гости. А тут у кого-то мысль появилась сыграть в футбол. Вот и...

– Ага. А там и эльфы, я гляжу?

– Где? Ну да. Они же тут в лесу неподалеку живут. И хватит глазеть на трибуны, Альвандер! Нас, между прочим, команда ждет!

– Иду-иду. – Действительно, перед игрой не стоит расслабляться. И надо еще обсудить план игры.

Футбол, в который мы собирались играть, почти ничем не отличался от того, в который играли в древности, еще до Барьера. То же поле, те же ворота. Разница лишь в том, что мяча запрещено касаться. Вообще. Управлять им позволялось только силой мысли. Брать мяч имел право только вратарь. И еще в игре нельзя использовать кристаллы. В общем, с точки зрения развития своих внутренних сил, игра идеальна. Тренировка действий в команде, умение управлять мячом, когда его у тебя стараются отнять, и умение отобрать мяч у противника, когда он старается его защитить. При этом приходится еще активно перемещаться по полю. Кстати, воздействовать можно только на мяч. Трогать игроков строго-настрого запрещалось.

– Привет, Альвандер. Где ты пропадал? – приветствовала

меня команда.

– Мы тебя ждем-ждем.

– Ты как? Готов?

Я поздоровался со всеми. Оглядел команду. Леонид – защитник, умеет концентрировать давление в одной точке как никто другой. Он на год старше меня. Как-то раз я с ним сдуру поспорил, кто кого сдвинет с места. Встали напротив друг друга на расстоянии где-то метров пять и по сигналу надавили. Сопротивлялся я только первые две секунды. А потом меня словно пушинку снесло в кусты, где я чувствительно приложился копчиком о какую-то корягу. Леонид потом долго извинялся, клятвенно заверяя, что не хотел ничего такого и давил только вполсилы. Не хотел бы я попасть под его полную силу. Вера-Вероника – всего десять лет, но виртуоз по управлению предметами. Наблюдал я ее как-то за игрой в куклы... там у нее они вальсы отплясывали. Причем каждая пара совершала свои движения. У кукол даже ноги двигались в такт музыке. Как вратарю ей цены нет. Еще у нас играла Алла – моя ровесница. Специализировалась она, в основном на левитации. Надо отдать должное, летун она отменный. Михаил – игрок центра. Ну и мы с Феолой. Феола лучший эмпат и телепат, каких я только знаю. Она центр нашей команды. Через нее шло все наше общение. Каким образом в игре она умудрялась сортировать поток наших мыслеобразов, я даже не пытался сообразить. При этом она еще успевала считывать эмпатический фон команды противника и под-

сказывать нам их задумки. К тому же мы с ней близнецы, а это значит, друг для друга абсолютные телепаты. Порой мы отгадывали мысли друг друга еще до того, как они даже оформятся. Поэтому на поле мы с ней составляли, по сути, одного игрока, в котором объединены достоинства обоих. Ее умение считывать эмпатический фон и мои таланты в управлении предметами... Естественно, мы с ней играли в нападения.

О нашей слаженности знали все, и поэтому когда игра шла внутри нашего селения, то нас с ней разделяли по разным командам, иначе почти всегда выигрывала та, где мы оказывались вместе. Естественно, такая игра с предсказуемым результатом никому не нравилась. Зато когда мы выступали против команд других селений...

– Итак, как играем? – поинтересовался я. – Кто знает сильные и слабые стороны наших соперников.

– Я был у них в гостях, – заговорил Михаил. – Видите вон того мелкого и кучерявого? Алькор. Виртуоз не хуже нашей Веры-Вероники. Пожалуй, я его возьму на себя. Алл, а ты обрати внимание на мальчишку рядом с ним. Очень ловко умеет блокировать управляющие сигналы. Боюсь, что от него будут нам проблемы. Так что если почувствуешь, что он пытается отобрать у тебя мяч, не вступай с ним в поединок. Проиграешь. Сразу передавай пас.

– Я его возьму на себя, – отозвался я, изучая противника. – Феол, тебе придется подыграть мне. Если он так силен

в блокировании, то без тебя у меня может не получиться отбить атаки. Как он в защите от эмпатии?

Михаил пожал плечами:

– Понятия не имею. Но если бы был силен, я бы знал. Так что с этой стороны от него ничего особенного ждать не придется.

– Все равно надо быть наготове. Кто у них вратарь?

– Вратарь вон тот мальчишка, похожий на маленького медвежонка. С выносливостью у него не очень, а вот в реакции мысли с ним посоперничать мало кто может. Учтите это. Я когда против него играл, почти забил гол. До сих пор не понимаю, как ему удалось среагировать. Его двое отвлекали, я сам блокировал, не давая рассмотреть точку удара. И все равно каким-то образом извернулся и отбил.

К нам подошел высокий эльф в одежде судьи.

– Вы готовы? – поинтересовался он. Мы дружно закивали. – Отлично, тогда объявляю начало. – Он достал из кармана кристалл и повесил себе на шею.

– Ну ладно, – поднялась Феола. – Команда...

– ...Вперед! – дружно гаркнули мы.

– По местам, – поправила нас ехидная Феола.

– По местам еще рано, – отозвалась не менее ехидная Вера-Вероника. – Сначала приветствие.

Тут к нам подбежал Лука и каждому из команды вручил по цветочку.

– От наших болельщиков на счастье, – заявил он и прежде,

чем ему кто-то успел ответить, убежал обратно на трибуны. Я взглянул туда. Ого, оказывается, трибуны уже все заняты. Надо же, какой интерес вызвал наш матч. Некоторые зрители, которым не хватило мест, просто зависли в воздухе и наблюдали оттуда. Многие люди уступили места гномам или эльфам. Несмотря на свою трехтысячелетнюю историю, они еще не могли соперничать с людьми по части пси-способностей и висеть в воздухе как люди не умели. Поэтому, кстати, в людских командах по футболу не было их игроков, хотя любили они играть не меньше людей. Зато с удовольствием устраивали турниры между собой. Эльфы сражались с гномами, гномы с драконами, а те, в свою очередь, с русалками.

Наши команды выстроились напротив друг друга. Между нами встал эльф-судья.

– Итак, полагаю, что о правилах говорить нет необходимости? Касаться мяча запрещено. Использовать только те силы, что даны вам природой. Никаких кристаллов не допускается. Сражаясь на поле, помните, что вы не враги, а только соперники в спорте. Не допускайте ссор и вражды. И пусть победит сильнейший. А теперь пожмите друг другу руки.

Мы прошли друг против друга, пожимая руки. Я задержался около того соперника, про которого говорил мне Мишка и которого я должен был опекать. Он тоже задержался против меня. Похоже, у него та же задача. Еще он задержался возле сестры. Ага, кажется, наши соперники точно знают, кто у нас главная ударная сила. Значит, нас с сестрой

будут «пасти» весьма основательно.

– По местам, – скомандовал судья.

Мы быстро рассредоточились по своей половине поля. Пока не прозвучала команда, пересекать половину соперника запрещалось. Вера-Вероника встала в воротах, Алла немедленно повисла над нами и тут же принялась рассылать мыслеобразы диспозиции наших соперников. Михаил занял позицию в центре, чуть дальше нас с Феолой, а Леонид замер недалеко от Веры, готовый при необходимости прийти ей на помощь.

Эльф поднял правую руку. Мы приготовились. И тут же с ладони судьи сорвалась молния и устремилась в небо. А еще через мгновение сверху рухнул мяч. Игра началась.

Глава 3

Мяч еще не успел коснуться земли, как за него завязалась ожесточенная схватка.

– Левый крайний и центр борются, – пришел мысльобраз от Феолы.

– Они помешают друг другу, – тут же протелепатировал я команде. – Алла отбивается, я попробую перехватить мяч.

Алла послала сигнал согласия и тут же ввязалась в схватку сразу с двумя игроками. Как и ожидалось, те отвлеклись на ложную атаку. Правда, они быстро разобрались, в чем дело, но мяч был уже у меня. Я тут же откинул его себе за спину Мишке. При мысленном управлении важно расстояние между вами и объектом. Если никто не будет мешать управлять, если нет сопротивления, то расстояние может быть очень приличным. Но только не на поле, где никто не даст вам катать мячик в свое удовольствие. Отнять мяч, посиживая на травке у своих ворот, нет никаких шансов. На Мишку тут же навалились двое, но он молниеносно отпасовал мне.

Ага, поиграем... Подкинув мяч, я взлетел следом и пристроился сразу за ним на расстоянии вытянутой руки. Ну теперь попробуйте отнимите. В данном случае кто ближе к мячу, у того и больше прав на него.

– Феол, прикрывай! – Мыслью толкая мяч перед собой, я на скорости углубился на территорию противников. Те по-

пытались остановить меня, но не тут-то было. Атаку одного отбила Феола, второго – Алла. Третий попытался рвануть мяч на себя, но я воспользовался усилием противника, заставив его тянуть еще и меня. Такая нагрузка для него оказалась чрезмерной. Я быстро огляделся. Справа летит судья... Защитники отстали...

У ворот меня атаковал вратарь, но я успел подкинуть мяч выше, где его перехватила Алла. Пользуясь моим приемом, она сверху ринулась к воротам. Я же всюду отвлекал вратаря, а остальные отбивались от защитников. Удар! Мяч со свистом устремился к воротам...

– Го... – Слова восторга замерли на губах. Ууууу! Этот, кажущийся увальнем, вратарь на самом деле оказался чертовски быстр. Я не понял, как он успел, отражая мои и Алины атаки, зацепить мяч. Тот, получив боковой удар, отрикошетил от штанги, пронесся вдоль ворот и вылетел на поле. Зараза!

Трибуны восторженно заревели. Причем, как я понял, они аплодировали как нашей великолепной атаке, так и мастерству вратаря. Я тоже не мог не восхищаться им. Поймав его взгляд, я показал ему большой палец. Тот улыбнулся в ответ.

Ну что ж, сыграем. Противник нам сегодня попался действительно сильный. Тем больше чести в победе.

Игра продолжалась. Выстроившись в воздухе обратным клином, противники понеслись к нашим воротам. Игрок, находящийся в середине, толкал мяч практически перед гру-

дью, а четверо его товарищей, летевших чуть впереди, сверху и снизу, прикрывали его от наших атак. Значит, решили всей командой атаковать. Опрометчиво, очень опрометчиво оставлять вратаря одного. Но через секунду я уже не был так в этом уверен. Такое построение оказалось идеально в защите. И впятером они очень удачно отбивали все наши попытки разбить строй. Правда, и они не учли одного момента. Леонида. Сначала их не очень встревожило его появление перед ними, когда он просто встал на их пути, не предпринимая даже попытки атаковать. Слишком неловким и неопасным он выглядел. Моя сестра тут же сообразила, что за этим последует.

– Всем приготовиться! – закричала она. – Как только ударит, перехватим мяч и атакуем!

И тут Леонид ударил... Да так, что не помогли даже объединенные усилия команды противника. Он буквально продавил их защиту. Мяч попал в грудь нападающего с такой силой, что тот вместе с мячом полетел на свою половину поля и, похоже, мало что соображал.

– Алла, присмотри за ним, – бросил я на ходу, – чтоб не грохнулся. Миш, мы с тобой атакуем.

Я сделал плавный вираж, аккуратно подхватил мяч и, не дожидаясь, когда противник очухается, бросился к вражеским воротам. Судья, готовый уже остановить встречу из-за нарушения правил, замер. Мяч у нас, и остановка игры пойдет на пользу нашим соперникам. Он раскинул руки в сто-

роны, показывая, что можно играть.

Вот теперь сыграем! Защитники, не ожидавшие от меня такой прыти, остались далеко позади и помешать теперь просто не могли, поскольку я старательно закрывал от них мяч спиной. А управлять предметом, который не видишь, очень и очень трудно. Уже подлетая к воротам, я поделился с Мишкой своим планом. Тот радостно ухмыльнулся:

– Пробуем.

– Тогда... Пора! – У самых ворот я вдруг развернулся спиной к вратарю. Тот, потеряв из вида мяч, на миг растерялся. Мишка же завис передо мной, закрывая мяч от летевших к нам на всех парах защитников.

– Давай! – Я выпустил мяч и взмыл вверх. В тот же миг Мишка нанес удар... Какой бы скоростью реакции не обладал их вратарь, но все же она имела свои пределы. Удар почти в упор отбить он просто не мог. Над воротами вспыхнул сигнал.

– Го-о-о-ол! – взорвались трибуны. Мы кинулись друг к другу, поздравляя с первым успехом.

– Отлично, команда! – Мыслеобраз Феолы буквально светился восторгом. – Так держать!

– Слушаюсь, – весело отозвалась Вера-Вероника. – Только вы там их совсем уж не громите. Мне хоть немножко работы оставьте.

Оптимизм Веры-Вероники оказался несколько преждевременным. В следующие пятнадцать минут нам устроили

форменный штурм ворот. Первые две атаки отбил своим коронным приемом Леонид. Но в третий раз соперники оказались к такому обороту готовы, они вдруг метнулись в разные стороны, и удар Леонида пришелся в пустоту. М-да, похоже главная слабость нашего защитника уже не тайна – при всей его силе, он крайне неуклюж и не поспевал за быстро перемещающимися целями. Да и следующий удар быстро нанести не мог. Теперь двое атаковали уже наши ворота, и это мы не успевали им помешать.

Вера-Вероника равнодушно наблюдала за приближением нападающих и лениво обмахивалась прутиком. Она словно и не интересовалась ими. Подняла ногу и хлопнула по щиколотке, прибив комара. Вроде бы ленивый жест, но именно по нему я понял, что она предельно сосредоточена на отражение атаки, задействовала все резервы.

Поведение нашего вратаря нападающих явно озадачило. Не понимая, что оно должно значить, они замешкались... только на миг... на какое-то мгновение. Но и его Вере хватило – нападающий вдруг обнаружил, что мяча перед ним уже нет, а девочка, еще секунду назад беспечно махавшая прутиком, держит его в руках, радостно улыбаясь. Судья остановил матч, и наши соперники поплелись на свою половину поля.

А дальше была еще одна атака. А потом еще и еще. Мы никак не могли перехватить инициативу. То один, то другой из наших игроков вынуждены были приземляться и вос-

становливать полностью истощенные силы. Соперникам нашим, правда, не легче. И если мы не пропустили до сих пор ни одного мяча, то только благодаря Феоле, которая умело дирижировала командой, связывая нас всех в единый организм. Мы моментально узнавали о намерениях противника и вовремя помогали друг другу, не путались у своих под ногами и не набрасывались скопом на мяч. Ну и плюс еще то, что Феола транслировала нам эмоции противника. Те, правда, быстро разгадали эту хитрость и старались закрываться. Но при этом они вынуждены были тратить энергию. А в такой игре каждая ее кроха ценна.

Вот за что люблю футбол, так это за то, что он по полной проверяет способности каждого. Ведь одновременно приходилось делать столько разных вещей. Надо управлять своим полетом, держать связь с партнерами по команде, контролировать мяч, отбивать попытки его забрать или пытаться отнять его у соперника. И все на пределе сил. При этом надо просчитывать замыслы противника и строить свою стратегию. Потому остальные расы даже не пытались вступать в противоборство с людьми в этом виде спорта – слабоваты они еще выделять все это. Даже судья выглядел уставшим, хотя он пользовался кристаллами. Но и они ему уже не помогают.

К концу первого тайма на ногах остались только я, Феола и Алла. У команды противника тоже оставались в строю трое. Но, похоже, один из последних сил. Когда прозвучал

сигнал, я почти неуправляемо рухнул на траву и прикрыл глаза.

– Они нас умоляют, – протелепатировал я всем разом.

– Или мы их, – жизнерадостно отозвалась Алла.

– Хотелось бы верить, – простонал Леонид. – У меня больше нет сил.

– Надо менять нашу стратегию, – высказал я «умную» мысль. – Они нас совсем зажали. Стоит нам допустить хоть одну ошибку... Мы держимся только благодаря Феоле.

– И благодаря тебе, – добавила Вера-Вероника. – Вы с ней здорово понимаете друг друга.

– Эффект близнецов, – отозвалась Феола. – Что будем делать?

В ответ молчание.

– Ясно, – вздохнула Феола. – Фонтан идей пересох. Приступаем к разбору завалов.

– Есть идея заняться восстановлением сил, – поднял руку Леонид.

– Ну поскольку других предложений все равно нет... – я развел руками.

Пятнадцатиминутный перерыв пролетел совершенно незаметно. Я со стоном поднялся на ноги. Глянул на небо. Весной темнеет еще довольно рано, и солнце уже давно скрылось за верхушки деревьев. Для удобства как игроков, так и зрителей вокруг поля подвесили светящиеся шары, превратив зарождающуюся ночь в день. Оно и лучше – не

придется тратить силы на ночное зрение, которые нам пригодятся в игре.

Леонид, ворча, что мы должны отдыхать еще минимум дней пять, тоже встал. Феола, хмуро глядя на нашего поставившего защитника, подошла ко мне.

– Похоже, они нас все-таки сделали, – буркнула она.

– Мы ведем в счете.

– Угу. А половина команды пребывает в крайне пессимистическом настроении. Если мы не выровняем игру, то это для нас плохо кончится.

– Ну, давай попытаемся. Ребята, – позвал я. – Попробуем сыграть понизу. От земли. Алл, постарайся прикрывать мяч от игроков другой команды.

Девочка кивнула.

Второй тайм начался ровнее. Нам даже удалось провести несколько штурмов ворот, правда безуспешных. Наша новая тактика явно поставила соперника в тупик. Мы теперь не летали по воздуху, а перемещались ножками по полю, катая мяч по земле. Алла маневрировала над нами, не давая никому из наших соперников слишком долго удерживать на нем взгляд. Даже защитники периодически ходили в атаку.

– Да как же пробить этого вратаря! – в сердцах буркнул Мишка, третий раз пробуя закатить мяч в ворота. – Между прочим, «стену» ставить запрещено правилами!

– Не стони, – сердито отозвалась Алла, пролетая мимо него. – Нет там никакой «стены».

Наконец первая растерянность у соперников прошла, и они приспособились к нашей игре. Снова пошли атаки на наши ворота. Вера-Вероника после серии таких атак вынуждена была пополнить запасы силы. Именно в этот момент нам и вколотили гол. Совершенно глупейший. Заметив, что наш вратарь временно выбыл, один из игроков команды противника просто толкнул мяч в сторону ворот. Мы лишь на мгновение замешкались, но этого мгновения оказалось достаточно. Мяч мы поймали. Но уже за линией ворот.

Воодушевленные успехом, соперники стали насаждать с удвоенной силой. В наших же рядах воцарилось уныние. В результате уже через десять минут из наших ворот пришлось вынимать второй мяч. Родители с трибун пытались подбодрить нас, но это плохо помогало. Их заглушали торжествующие крики болельщиков команды гостей. Феола подлетела к судье и что-то ему сказала. Тот выслушал и кивнул. Раздался сигнал остановки матча.

– Тайм-аут! – возвестил эльф. Команды разбрелись каждая к своим воротам.

Я устало взглянул на сестру:

– Ты чего?

– Есть одна идея. Давно хотела попробовать, только все случая не было. Надо бы сперва потренироваться, но... Если мы будем продолжать в том же духе, то проиграем.

– Конкретно, что предлагаешь? – вмешался Мишка.

– Вот и слушай, а не перебивай, – отбрила его Феола. – За

счет чего берут наши противники? За счет индивидуального мастерства. Каждый из них в футбол играет лучше любого из нас.

– Так уж и да...

– Так уж и да! – не дала Феола договорить Леониду. – В нашей команде лучшие игроки Алла и Альвандер. Спорить будете? А теперь скажите, кто из команды противников играет хуже? Наше единственное преимущество заключалось в слаженности. Благодаря мне у нас лучше командная игра. Из-за этого мы забили первый гол. Но сейчас они приспособились. Узнали наши сильные и слабые стороны.

– Короче, – не выдержал уже я.

– Короче. Я предлагаю вот что...

Когда Феола договорила, я озадаченно поскреб затылок.

– Ты уверена, что справишься одна с этим?

– Попробую. А чего мы теряем? Мы и так уже проиграли, если не придумаем что-нибудь новое.

– Если не получится, ты минут десять не сможешь принимать участие в игре, – заметил Леонид. – А пятерых они сделают в два счета.

– Они и так нас сделают, – логично заметила Феола.

– Ладно, – хлопнул я себя по колену. – Феола права. Не попробуем – точно проиграем. А так, может быть, и появится шанс. Феол, командуй.

– Садимся в круг и берем друг друга за руки. Глаза закрыть и слушать мои мысленные команды. И не сопротив-

ляться, самое главное. Взламывать вашу защиту у меня нет ни времени, ни желания.

Мы расселись прямо перед нашими воротами и взялись за руки. В голове неразборчиво бубнила Феола. Как я догадывался, таким образом она погружала нас в транс. Я противиться этому голосу не стал и уже через мгновение оказался на какой-то поляне. Здесь же стояла и вся наша команда. Мы, как и раньше, образовывали круг, но теперь в центре сидела Феола.

– Я начинаю слияние, – предупредила она.

Против воли я шагнул к ней. Потом еще шаг. Инстинктивно я попытался воспротивиться этому зовущему голосу.

– Я же просила! – рявкнула Феола. – Если сейчас кто-то вывалится из транса, я потом ему лично уши оборву!

Так, похоже, не я один попытался заблокироваться от зова.

Угроза возымела нужное действие. Все знали, что у моей сестры слова с делом редко когда расходятся. А ходить с оборванными ушами ужасно не эстетично.

К Феоле мы все в этом виртуальном мире приблизились одновременно, а потом словно что-то взорвалось у меня в голове. Что было дальше, помню плохо. При желании я мог бы восстановить все, только зачем?

Когда я открыл глаза, то сначала даже не сообразил, что не так. Потом понял, что вижу всех наших с разных точек одновременно. И себя вижу.

– Ма...

– Заткнись, Альвандер, не строй из себя идиота, – вежливо посоветовала мне сестренка. – Для тех, кто еще не понял, поясню – я установила связи между всеми нами. По сути, мы сейчас одно существо. Но для нормальной работы надо установить приоритеты, а то получится лебедь, рак и щука. Итак, главой я назначаю Альвандера. Он принимает решения. Остальным слушаться его беспрекословно, как ваши руки или ноги слушаются вас. Только тогда в наших действиях будет толк. Я обеспечиваю контакт, из-за этого принять участие в игре не могу. На поддержку связи приходится тратить все силы. Так что спрячьте меня хотя бы за штангу, что ли... Чтоб мячом не влепили...

– А почему глава Альвандер? – возмутился было Леонид.

– Потому что он играет лучше каждого из нас. И при его управлении каждый будет равен ему по силе. Еще вопросы будут? Если нет, то начинаем игру – тайм-аут подходит к концу.

Я встал. Все тоже поднялись. Было несколько необычно ощущать каждого игрока нашей команды как некое продолжение себя. Эткими дополнительными руками и ногами. Я мог брать энергию у кого-нибудь, а также отдавать любому, перераспределяя ее по своему усмотрению.

Правда, первые пятнадцать секунд были потрачены на то, чтобы привыкнуть к такому положению. Пришлось заново учиться управлять собой. Судья подозрительно оглядел на-

шу пятерку и покосился на Феолу, сидевшую по-турецки за линией ворот. Явно не понимая, что все это значит, он вглядывался в судейский кристалл, проверяя, нет ли где нарушения правил. Таковых не обнаружилось, и он несколько неуверенно подал сигнал к продолжению игры. Зрители также пребывали в недоумении. Я видел, как перешептывались родители, пытаясь сообразить, что же мы затеяли.

Опа, мяч в игре. Я сконцентрировал в себе все силы и протянул их к нему, буквально вырвав его из мыслезахвата соперника. Тот растерянно проводил взглядом улетающий мяч. Он явно не понимал, откуда у нас взялась такая сила. А мы уже атаковали. Правда, пока не очень успешно. Нам позарез нужно время, чтобы притереться друг к другу. Этого времени соперники давать нам не собирались. Воспользовавшись оплошностью, они тут же сами шли в наступление. Я попытался отбить удар, но безуспешно. Так... три-один. Фигово.

– Спокойно, Альвандер, – раздался в моей голове невозмутимый голос Феолы. – Просто вы еще не сработались. Сейчас будет лучше. И... Альвандер, не пытайся играть за всех. Вратарь из тебя аховый. Почему не отдал контроль Вере? Дай ей силу всей пятерки, и пусть она сама разбирается с атакующими. Делись своими полномочиями. Если видишь, что не справляешься, передавай управление тому, кто лучше знает, что делать.

– Ты не говорила, что такой трюк возможен! – возмутился

я.

– Вот сейчас говорю! Играем.

И тут мы заиграли... Противник уже основательно изучил слабые и сильные стороны каждого из нас, но сейчас... Сейчас я мог нанести удар как Леонид, а Леонид ловкостью полета сравнивался с Аллой. Слаженность наших действий оказалась невообразимой. Да и как правая рука может конфликтовать с левой? Мы все разом, когда возникала необходимость, становились нападающими и защитника, вратарями и центровыми. Мы стали командой. Каждый из нас обладал умениями и навыками друг друга. Так что когда мы наконец разобрались с управлением... У наших противников не осталось ни малейшего шанса.

Первый мяч мы забили играючи, просто обведя его мимо всех ловушек – каждый из нас стал обладателем поразительной чувствительности Феолы. Честно говоря, воспринимая мир так, как она, я ей даже позавидовал. Вот уж у кого воистину талант ощущать все живое вокруг. Теперь понятно, почему она биолог. Да с ее-то талантом...

Ага, похоже, наш противник пытался на ходу подстроиться под изменившиеся правила. Но как только они приспособились к одной тактике, мы с ходу меняли ее.

– Атакуйте, – снова раздался голос Феолы. До конца игры пять минут. – А мы все еще проигрываем.

Ах так! Ну, поднажали, ребята!

Мишка отпасовал Алле, та свечой устремилась ввысь.

Кто-то из соперников ринулся за ней. К Алле немедленно присоединился Леонид. Леонид, который раньше летал с маневренностью полена, теперь демонстрировал в воздухе фигуры высшего пилотажа, прикрывая Аллу. Та, прекратив подъем, вдруг сконцентрировала всю силу на удержание мяча и камнем полетела вниз. Трибуны замерли. Наши соперники напряглись. На ней скрестились все взгляды. Одни с тревогой – зрители, другие с напряжением – соперники. А вот из нас никто за ее полетом не следил. Да и зачем, ведь каждый из нас и совершал этот полет. А земля все ближе и ближе. Я буквально кожей чувствовал, как напряглись наши противники. Ну же, вот сейчас она начнет тормозить и отпустит мяч. Вот сейчас... вот сейчас...

Но Алла не ослабила. По трибуне прокатился стон, судья лихорадочно зачем-то сжимал в кулаке левитирующий кристалл, видно готовясь подхватить падающего ребенка.

– В порядке, – протелепатировал я разом и судье и стадиону. Не дай бог кто вмешается. – Все под контролем.

А Алла уже в метре от земли... в полуметре...

Пора! Леонид подхватил ее и перевел в горизонтальный полет. Такого точно никто не ждал. На трибунах ахнули, всполошились соперники. Они все сконцентрировались на том, чтобы отобрать мяч, когда ослабнет контроль девочки, и сейчас просто не успели среагировать. А Леонид неся вперед, к воротам, толкая впереди и чуть ниже себя Аллу, которая, в свою очередь, тащила мяч. Я пристроился выше,

Михаил отвлекал защитников. Мы приблизились к воротам, и тут же, не теряя ни мгновения, я ударил по мячу наискосок сверху вниз. Мяч ударился о землю и подлетел в воздух практически перед носом вратаря, тот попытался проследить за ним, но элементарно не успел. Самое забавное заключалось в том, что если бы он попытался отбить мяч не мыслью, а руками, что вратарям разрешалось, то это вполне бы удалось. Но привычка действовать силой мысли в игре настолько въелась в каждого из нас, что о такой возможности он даже не подумал.

– Гол! – крик-выдох пронесся над стадионом, а потом трибуны взорвались бурей аплодисментов. Правда во всем этом море восторгов была и парочка приличных ложек дегтя в виде обещаний от родителей после матча непременно высказать нам все, что они думают по поводу подобных маневров.

– Три-три!!! – завопил Мишка.

Я был более сдержан.

– Феол, сколько до конца матча? Ты следишь за временем?

– Слежу. До конца еще три минуты. Можно успеть забить, но предупреждаю, что я выдержу еще минуты две, не больше. Это выматывает сильнее, чем я думала.

– Ясно. Ребята, все слышали? Тогда атакуем. Сразу и всеми силами. Нам надо забивать.

Но сразу атаковать не получилось. Противник, словно поняв, что если позволит нам перехватить инициативу, то про-

играет, теперь наседали сам. Наседал зло и умело. Только вот вымотаны они были основательно. Не знаю, на каких силах еще играют. И если раньше они имели возможность отправлять отдыхать своих игроков вместе с нами, то теперь о таком не приходилось и мечтать. Наша новая тактика требовала от них всех сил. А мы, в отличие от оппонентов, свободно перекачивали энергию любому, кому она требовалась.

Минута потеряна на перехват инициативы... Так... похоже, сообразив, что маневренный бой они проигрывают, соперник перешел к жесткой обороне. Чтобы приспособиться к новой тактике, требовалось некоторое время. А вот его-то у нас и не было.

– Все, я отключаюсь, – передала мне Феола.

– Всем внимание, – принял я решение. – Времени у нас нет. Феола вышла из игры. Разъединяемся, и все вперед. Мяч у меня. Играем в пас. – Я коротким мыслеобразом обрисовал план атаки. – Все, готовы?

– Да.

– Тогда... Вперед!

И в тот же миг мы разделились... М-да, я был слишком оптимистичен, планируя сразу атаковать. Разъединение сродни удару молотом по голове, мир, еще мгновение назад полный невиданных красок, вдруг сужается до твоего привычного восприятия. Если бы нас атаковали в этот момент, то мы даже сопротивляться не смогли бы.

К счастью, такая беспомощность продолжалась недолго,

и наши противники просто не поняли, почему это мы все вдруг неподвижно зависли в воздухе. Скорее всего, посчитали, что мы совещаемся перед штурмом ворот. Поэтому вместо того, чтобы атаковать самим, они теснее придвинулись друг к другу.

– Вперед! – повторил я.

И мы бросились вперед. Перемещаясь совершенно хаотично и постоянно передавая мяч друг другу. Это вызвало в рядах противника замешательство. Они никак не могли определить, у кого сейчас мяч и у кого его отнимать. А мы проскользнули мимо них, в последний момент едва не потеряв мяч, но все-таки удержали. Перед вратарем замелькала Алла, мешая ему сосредоточиться.

Удар – отбит. Еще удар, снова отбит. Так, последняя возможность.

– Леонид! – мыслеобраз мольба.

Леонид сообразил мгновенно.

Алла, я и Мишка втроем вцепились в мяч, удерживая его на месте. Наконец защитники сообразили, что и отбирать его надо втроем, да поздно. Подскочивший Леонид нанес по мячу свой знаменитый удар. В полную силу. Мяч с огромной скоростью устремился в ворота. Вратарь плюхнулся на землю и бросил против летящего «снаряда» все силы, буквально вцепившись в него. Но тут уже важна уже не ловкость, а обычная мощь. И эта мощь сейчас приподняла вцепившегося в мяч вратаря и понесла его вместе с ним в ворота.

– Ну же! – я затаил дыхание. И в тот же миг прозвучал сигнал окончания матча. Игровое поле накрыло блокирующее поле, заставив всех замереть в тех позах, в которых застал сигнал. Я смотрел на мяч и чуть не плакал. На то, чтобы пересечь линию ворот, ему не хватило буквально двух сантиметров. Ну что стоило закончиться времени на полсекунды позже! Какие-то жалкие полсекунды решили судьбу матча. Три-три. Ничья. А победа была так близка.

Блокирующее поле отключилось, и мяч продолжил уже ставший бессмысленным полет. Я без сил распластался на траве. Какие-то жалкие полсекунды...

– Да хватит тебе, – легла рядом со мной Феола. – Вот заладил, полсекунды-полсекунды. И мы и они знаем, кто тут победитель. А результат... да фиг с ним.

– Не читай мои мысли! – возмутился я.

– Да больно надо, – фыркнула Феола. – И потом, сам знаешь, что читать мысли против воли человека просто невозможно. Но ты так «громко» стонал о своих несчастных «полсекундах», что тебя не услышал бы только глухой. Ладно, хватит валяться. Айда к нашим. Согласись, что игра сегодня получилась потрясающей. Когда еще такое будет?

– Да, игра действительно потрясная вышла, – признал подошедший к нам мальчишка из команды наших противников. Он опустился на землю рядом со мной и протянул руку. – Алькор. Капитан команды. Вы чуть-чуть не сделали нас. А это еще никому не удавалось. И, разрази меня гром, я до

сих пор не могу понять, что вы там сотворили в конце.

Я пожал протянутую руку:

– Альвандер. Тоже капитан.

– Как-то раз два капитана съели целого барана, – пропела вредная Феола. Мы с Алькором переглянулись, и я ему подмигнул.

– Правильная мысль. Айда к столам.

– К каким столам? – изумился Алькор.

– Ты только о жратве и можешь думать, Альвандер! – А это уже сестрица.

– Не хочешь, не иди. Эй, команда, кто хочет есть – за мной!!! И наших противников захватите.

Это предложение вызвало бурю восторгов. Обе команды, еще недавно непримиримые соперники, разделенные центральной линией, сейчас смешались в кучу. Все тут же перезнакомились друг с другом Я даже заметил, как один парнишка, краснея, подошел к Алле и протянул ей цветок. Та явно смутилась. Так-так. Я хихикнул.

– Ты чего? – удивился Алькор. Я кивнул на парочку. Мальчишка проследил за моим взглядом. – Ух ты! Вот дает! Не ожидал такого от Влада. Так, ну а нам тогда остается подкрепиться. – Он повернулся ко мне. – Если меня не подводит память, гром меня разрази, кто-то приглашал нас за стол?

– Ага! – тут же закивал я. – Ребя, по столам!

– Прямо на стол прыгать? – удивилась Вера-Вероника, распахнув глазенки. Все вокруг расхохотались.

– Можно и не прыгать, – разрешил Алькор. Он вдруг схватил нашего вратаря, подкинул ее в воздух и водрузил себе на плечи. – Давай прокачу. Такого умелого вратаря я еще не встречал.

Вера-Вероника смутилась и покраснела. Все заплодировали, чем смутили девчущку еще больше.

– Не встречал? – с притворной обидой вскричал вратарь наших соперников. – А как же я, капитан?

Алькор оглядел его задумчивым взглядом.

– Нет, – вынес он вердикт. – Тебя я, пожалуй, катать не буду. Мне моя шея еще дорога.

Эта нехитрая шутка вызвала дружный смех.

Уже не разделяясь на команды, мы толпой двинулись к гостевой поляне, на которой обычно и накрывали столы, когда в нашем селении проходил какой-нибудь праздник. На прощанье я обернулся на опустевшее поле. Не совсем опустевшее: Алла демонстрировала какой-то трюк в полете своему новому знакомому, а тот восхищенно взирал на нее с земли. Что ж, судя по эмоциональному фону вокруг них, в пожеланиях счастья они не нуждаются. Счастье и так щедро разлито вокруг. Впрочем, а какое, собственно, мое дело? Сами разберутся. Я побежал догонять команды.

Вокруг врытых в землю деревянных столов уже собрались и жители нашего селения, и все гости.

– А вот и наши герои! – вскричал заметивший нас эльф, судивший матч. На миг воцарилась тишина – все разгляды-

вали нас. Но тут же ее разрушила буря аплодисментов. Как-то так незаметно получилось, что наши команды вдруг вытолкнули нас с Алькором вперед, а сами отошли. И это друзья называются?!

Эльф подошел к нам:

– Поздравляю, капитаны. Великолепная игра.

Вокруг нас тут же разразилась буря аплодисментов. Раздавались подбадривающие крики от зрителей. Смех и шутки от друзей.

Мы с Алькором переглянулись. Мгновенный обмен мыслеобразами, и мы с ним едва не расхохотались на пару. Оказалось, что каждый из нас думал об одном и том же – придумывая страшные кары друзьям, позорно бросившим своих капитанов на произвол судьбы.

– Предложи своей команде выпить соку киу? – мысленно посоветовал я ему. – Обещаю, что этого они век не забудут.

– Сок киу?

– Да. Киу – это ягода, которую недавно вывела моя мама. Очень полезная. После такой игры для восстановления сил самое то. Но пить его в чистом виде я бы не рекомендовал никому. Кислятина страшная. Лично я всегда с медом мешаю, но можно и с сахаром. Кстати, если кто-нибудь из наших предложит выпить его, сразу размешай с медом. Клади не меньше четырех ложек.

– Киу, говоришь? – усмехнулся Алькор. – А знаешь, мне в прошлый раз этот сок так понравился, что я, пожалуй, пред-

ложу его своим друзьям. Только скажи, как он выглядит?

Я усмехнулся в ответ:

– Будем друзьями?

– Конечно!

Праздник шел своим чередом. Над поляной подвесили разноцветные светящиеся шары, плавно вращаясь, они отбрасывали на столы и сидящих за ними людей разноцветные пятна и причудливые тени. Звучала неназойливая тихая мелодия. Наш детский стол располагался чуть в стороне, где мы вполне могли побеситься, не мешая родителям и гостям. Как и те не мешали нам. Правда, после игры особого желания что-то делать никто не выказывал. Сил не было даже на скамьи взобраться. Все тут же вповалку легли на поляне и теперь с тоской посматривали на высокие столы.

– Ладно, – с видом мученика произнесла Феола. – Чего только не сделаешь ради новых друзей. – Она пристально посмотрела на наш стол. Тут вдруг дерево словно ожило, приобретя гибкость, и ножки, изогнувшись, как слуги в поклоне, склонили столешницу к самой земле.

– М-да, – задумчиво оглядел я это безобразие. – Чего только не сделаешь из-за собственной лени. Ну в чем столы виноваты, если тебе лень подняться с земли и взять, что нужно?

– Это кто тут лентяйка??? – сразу вскинулась Феола. – Я?! Сам, между прочим, такой. А встать... посмотрю я, как ты сейчас поднимешься. Не знаю, кто как, но энергии у меня

почти ноль, и ее восполнением я сейчас и намерена заняться.

Глядя на то, с каким аппетитом Феола принялась за еду, мы все последовали ее примеру.

– Алькор, придурок! – прервал общую трапезу чей-то крик. Мы с удивлением обернулись. Чуть в стороне стоял Алькор и трое ребят из его команды. Все сжимали стаканы с соком киу. Но если капитан пил его, блаженно щурясь от удовольствия, то остальные старательно отплевывались, скривив лица.

– Я даже не знаю – и чего они? – деланно изумился Алькор. – Такой великолепный сок. Просто потрясно, гром меня разрази.

– Я тебя сейчас вместо грома разразю! – сердито завопил вратарь, бросаясь на своего капитана.

– Лунь, отстань, – с хохотом Алькор пытался спихнуть с себя приятеля. Но где там. Тем более ему на помощь пришли и все остальные, кому тоже досталось сомнительное удовольствие отведать сока. Наши, прекрасно все сообразившие, глядя на это зрелище, хохотали.

– Вы не того колотите, – вдруг вмешалась Феола, отрываясь от еды. – Или вы всерьез полагаете, что ваш капитан знал про сок киу, когда садился за стол? Его ведь только с медом можно пить. Кто ему, по-вашему, об этом рассказал?

Чтобы сложить два и два, много времени не потребовалось, и теперь обе команды взирали на меня. Но если наши насмешливо, то вот команда соперников весьма зловеще. Я

бы даже сказал зловеще-многообещающе.

– Ну сестренка! – возмутился я.

Сестра вместо поддержки показала мне язык. Потом осторожно взяла копченую селедку с блюда за хвост и внимательно оглядела.

– Да вы бейте его, бейте, – разрешающе махнула она рукой. – На меня не обращайтесь внимания.

– Это твоя сестра? – поинтересовался Алькор, подбегая ко мне.

– Ага, – кивнул я.

– Сочувствую.

– Кто кому будет сочувствовать, это мы сейчас посмотрим. – Сестренка отложила селедку и повернулась к нам. – Так и быть. Я вам посочувствую. Чего не сделаешь ради родного брата.

Тут на нас и накинулись... Я в последний момент подлетел в воздух, сделал сальто и приземлился за спинами атакующих. Но больше лететь мне уже не пришлось...

Когда веселая кутерьма, в которой приняли участие все, даже Феола, немного улеглась, мы уже действительно пошевелиться не могли. Феола плюхнулась рядом со мной и протянула кусок селедки.

– Хочешь рыбки? – предложила она.

Я со стоном отвернулся.

– Пощади ты меня. Дай передохнуть немного.

– Правильно, – ничуть не смутилась сестра. – Алина го-

ворит, что копченая рыба вредна для здоровья.

– Какая еще Алина? – удивился я, а потом сообразил. – А-а-а-а! Это тот дельфин, с которым ты в прошлом году поспорила.

– Не дельфин, а дельфиниха, – возмутилась Феола.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Алькор. – Что за дельфин?

– Да так, – хмыкнул я. – Моя сестра в прошлом году имела глупость поспорить с дельфином на цистерну рыбы, что первой приплывет на Кубу.

– И что?

– Да ничего. Потом упрашивала меня сделать ей кристалл, с помощью которого можно наловить ту самую цистерну рыбы.

– Между прочим, я ненамного и отстала, – смущенно-возмущенно вскричала Феола. – Если бы я не уснула...

– Если бы да кабы... Это не считается. Понадеялась, что океан – это практически бездонный источник энергии, а не учла, что дельфин в этом океане энергии с рождения живет.

– Подумаешь, – махнула рукой Феола под общий смех. – Зато с Алиной подружилась. Кстати, она в этом году меня приглашала на Багамы сплавать. Тебя тоже звала.

– А вы вплавь туда собираетесь? – спросил Алькор.

– Ага. А как же еще? Вместе с дельфинами и поплывем. Стая Алины как раз туда собиралась на лето. Там биологи станцию разворачивают морскую и просили дельфинов по-

мочь.

– А что, там местных дельфинов нет?

– Местные все заняты. В том же районе куча всяческих исследовательских центров. Дельфины там и подрабатывают. Еще там одна из крупнейших колоний русалок. Всю жизнь мечтала с ними познакомиться. В северных широтах они ведь не очень любят жить. Климат для них неподходящий. Тропики предпочитают.

– Я тоже их предпочитаю, – улыбнулся Мишка. – Я, наверное, на несколько месяцев махну в Индию. Там недавно откопали какой-то древний город. Говорят, что он еще докосмической эпохи. Представляете, какая древность? Мою заявку на участие в раскопках уже утвердили. Так вот, архитектура города совершенно не похожа на индийскую. Вроде как его датируют девятнадцатым веком по христианскому летоисчислению. Это время британского господства над Индией. Кстати, уникальнейшее время. Тогда началось бурное развитие...

– Ну понесло, – простонали Феола и Алла, переглядываясь.

– Мишенька, – сладко так пропела сестрица. – Я ничуть не сомневаюсь, что время то было уникальное. И ничуть не сомневаюсь, что оно очень интересное.

– И мы знаем, как много ты всего знаешь о докосмической эпохе, – подхватила эстафету Алла. – Но давай сегодня об этом не будем, а?

– Ну как хотите, – обиженно пробурчал Мишка. – Я только не понимаю, как вам может быть неинтересна история...

– Интересна, – хором вскричали мы.

– Но не сейчас, – добавил я. Мишка прекрасный рассказчик, но сейчас лучше обойтись без лекций.

– Тогда давайте страшилки, – Мишка откинулся на траву, заложив руки за голову. – Кто начнет? Только вот светло очень.

– Это мы вмиг. – Алла встала, раскинув руки в стороны. Вокруг нее образовалась полусфера, сотканная словно из тумана. Полусфера начала расти, захватывая всю нашу небольшую полянку. Сама полусфера была не совсем плотной, и немного света пробивалось сквозь нее, образуя зловещие тени. Кусты стали похожи на неизвестных чудовищ.

– Бррр, – поежился кто-то. – Сюда бы еще замок старинный с привидениями.

Я хмыкнул. И тут вдруг заметил, что среди нас нет Веры-Вероники. Я огляделся, пытаюсь отыскать ее, но бесполезно. Хм... она же больше всех любит слушать Мишкины лекции. А тут вдруг не поддержала его. Куда она могла пропасть?

Не особо прислушиваясь к истории, которую начала рассказывать Феола, я закрыл глаза, отыскивая чувства каждого из нас. Вот Феола. Ее аура ярко пылала, но в ней преобладал лимонный цвет. Явно готовит шутку и теперь вся в предвкушении. Остальные внимают. Я раскинул сеть поиска поши-

ре.

– Гм! – В сознании возникло чувство легкой грусти, перемешанной с задумчивостью, – совершенно неподходящие чувства для сегодняшнего праздника. И человек явно закрывается, чтобы никого не потревожить и никому не помешать. Очень интересно. Такое состояние совершенно не свойственно вечно живой и веселой Вере.

Я осторожно отполз, чтобы никого не задеть. На меня зашикали.

– Я ненадолго отойду, – виновато улыбнулся я.

Наконец мне удалось выбраться за пределы сферы и оглядеться. Определив направление, я зашагал в лес. Я уже почти знал, куда надо идти. Через несколько мгновений, уйдя с освещенной поляны, я погрузился в полумрак. Пришлось потратить пару секунд на перенастройку зрения. Еще раз прислушавшись к окружающему фону, я уже уверенно пустился по лесу, уворачиваясь от веток и переступая через корни.

Моя догадка оказалась верной. Выбрал я, конечно, не самый легкий маршрут. К этому обрыву у реки вела вполне нормальная тропинка. Я же рванул напрямик через лес. На краю обрыва, освещенная полной луной, сидела маленькая фигурка, обхватив руками колени. Я осторожно подошел и сел рядом.

– Ой, Альвандер, – Вера-Вероника смущенно улыбнулась мне. – Вот пришла на реку. Я люблю тут сидеть по вечерам.

– Почему тебе так грустно? – послал я ей мыслеобраз. Можно, конечно, и заговорить, но я решил перейти на мыслеречь. Здесь одной короткой фразой можно выразить столько всего, чего не скажешь никакими словами. Вот и сейчас в моем вопросе содержалось море оттенков разных чувств. Недоумение, вызванное ее уходом, жалость к ней, желание чем-то помочь, подбодрить, сочувствие и много-много всего разного. Чтобы описать некоторые оттенки, даже слов не придумали.

Вера-Вероника всхлипнула и вдруг прижалась ко мне. Я обнял ее за плечо, притянув к себе.

– Я... я не знаю... Я просто смотрела на вас с Феолой сегодня... Дерри, ты знаешь, я бы хотела иметь сестренку или братика. Маленького. Я бы о нем заботилась. Одной очень-очень плохо. А ведь я из последнего поколения этого цикла... Самый младший человек во всей Солнечной...

Что я мог на это сказать? Как объяснить десятилетнему ребенку, что трехсотлетние циклы – это жизненная необходимость? Что иначе, при нашей продолжительности жизни, возможностей четырех планет со всеми космическими городами и станциями не хватило бы для нормальной жизни людей.

– Иначе нельзя, – беспомощно проговорил я.

Вера посмотрела на меня грустным и все понимающим взглядом.

– Дерри, я ведь не маленькая. Я знаю, что четыре планеты

– это очень мало. Но я все равно завидую вам с Феолой. У тебя есть сестра. А у нее ты. Почему мне не повезло?

– Ты всерьез считаешь, что иметь сестру или брата – это замечательно?

– А ты думаешь, что это не так?

Я вспомнил свои многочисленные сражения с Феолой за лучшее место за столом, за игрушки, за... да за многое мы с ней сражались. Но представил на секунду, что ее нет, и сердце сжала такая тоска, что завывать захотелось.

– Вот видишь, – грустно констатировала она, отворачиваясь от меня. А я не мог ни подобрать слов, ни сформировать подходящий мыслеобраз, чтобы ее утешить.

Вера доверчиво положила мне голову на плечо и посмотрела на небо:

– Дерри, как ты думаешь, а какие они, звезды?

– Звезды? Но ты же, наверное, видела голографические снимки эпохи Империи...

– Я видела... А так, вживую? Как они выглядят? Я вот подумала, может, когда-то давным-давно, когда еще люди не летали к звездам, на этом самом месте сидела какая-нибудь девочка. Может, ее даже звали так же, как меня. А внизу так же текла река. Так же шумел лес.

Я попробовал представить эту картину, и она мне очень даже понравилась.

– А по темному ночному небу плыли облака, изредка загромождавая свет далеких звезд, отчего казалось, будто они под-

мигивают ей, – подхватил я эстафету. – И вот с неба сорвалась звезда и покатила по небосклону. Падающая звезда – символ надежды.

Мы замолчали. Каждый из нас представлял эту картину. Каждый словно переживал те давние времена.

– Я бы хотела увидеть звезды, – тихо проговорила Вера. – Не на древних фотографиях, а живую. Как ты думаешь, мы когда-нибудь снова увидим их?

Я закашлялся.

– Знаешь, – медленно и осторожно заговорил я, – очень многие люди ломают головы над тем, чтобы снова подарить человечеству когда-то отнятые у них звезды.

– Надо только победить злое чудовище, – с улыбкой подхватила Вера, – которое прилетело из глубин космоса и проглотило Солнце и четыре планеты. Мне эту сказку мама рассказывала, когда я была совсем маленькой. Но чудовища нет. А есть Барьер. Барьер, который скрывает от нас звезды. Знаешь, о чем я подумала? Если Барьер исчезнет, тогда, может быть, Совет отменит правило трехсот лет? Ведь у нас будет вся галактика! И тогда у меня, может, появится младший братик или младшая сестренка.

До сих пор я не задумывался, каково это, быть самым младшим ребенком во всей Солнечной. Шесть лет каждые триста. Для эльфов, в связи с меньшей продолжительностью жизни по сравнению с людьми, правило определяло шесть лет каждые сто пятьдесят. Именно в этот период разрешено

заводить детей. Не более одного в семье. Исключение делается только для близнецов. Так что сейчас самому старшему ребенку на планете шестнадцать лет. Младшему – десять. Мы с Феолой в середине – недавно нам исполнилось четырнадцать.

– Вер, я обещаю тебе.

– Что? – Вера-Вероника вопросительно посмотрела на меня.

– Я обещаю, что приложу все силы, чтобы подарить тебе звезды. Когда-то мужчины клялись своим дамам, что добудут для них звезду с неба. Я тебе обещаю не одну звезду, а все. Все, какие только есть в галактике.

Девочка недоверчиво хлопнула ресницами. И вдруг всхлипнула и повисла у меня на шее.

– Ты чего? – В таких идиотских ситуациях мне еще бывать не приходилось, и я совершенно не знал, что делать.

– Спасибо тебе, Альвандер. Знаешь, теперь я верю, что увижу звезды. Обязательно увижу. Я верю...

– Ох ты, Вера-Вероника, – пробормотал я. – Давай-ка вернемся на поляну. А то нас скоро уже искать будут. И вытри слезы.

– Конечно, – Вера поспешно краем майки вытерла лицо. Я присмотрелся к ней и покачал головой:

– Нет. Так не пойдет. Пойдем-ка к реке умоемся. – Я подхватил девочку и водрузил на плечи, удерживая ее за щиколотки. Потом разбежался и прямо с обрыва сиганул вниз.

Все-таки я слишком много сегодня энергии растратил, и далеко улететь у нас не получилось. Но вот до середины реки, как я и рассчитывал, сил хватило. А потом были радостные визги Веры и громкий плюх в воду...

– Редиска ты, – весело заявила мне Вера-Вероника, когда мы выбрались на берег. – Вся одежда мокрая. И что мне делать?

– А ничего. Пока дойдем до поляны, высохнет. Ну-ка, давай, кто быстрее.

– Конечно, ты, редиска длинноногая! – совсем развеселилась Вера.

– И совсем я не длинноногий, – притворно обиделся я.

– Так ведь я с собой сравнивала. Но это тебе все равно не поможет. Догоняй!

Прежде чем бежать вдогонку, я осторожно коснулся ауры девочки. Ни грусти, ни тоски в ней уже не осталось. Вера буквально светилась счастьем и восторгом. Я улыбнулся:

– Эгей! Я догоняю!

Глава 4

На следующее утро вставать не хотелось совершенно. Выматывающий матч, потом еще этот праздник, затянувшийся до самого утра. Приоткрыв один глаз, я покосился на окно. Ага, кажется, уже за полдень. Придется вставать, с печальной обреченностью констатировал я.

Откинув одеяло, я натянул свою повседневную серую тунику и нехотя заправил кровать. Ручками. Уже подвиг. Но сейчас делать что-либо, используя пси-силы, я категорически был не способен. Позевывая, спустился вниз.

– А вот и наш соня, – приветствовал меня отец. – Как спалось?

– Мало, – вяло отозвался я. Сидевшая в плетеном кресле Феола прыснула в кулак. Перед ней на столике стоял кристалл всеобщего вещания, в котором сестра смотрела последние новости Солнечной.

Переборов сонливость, я коснулся кристалла мыслью и тотчас погрузился в бьющий жизнью мир, сон сразу пропал. Вокруг кружились мыслесообщения последних известий, развлекательные и познавательные постановки, художественные и специальные каналы, все-все на любой вкус. Сосредоточившись, я отыскал то, что меня интересовало, и просмотрел сводку погоды на неделю. Так. Пять дней планируют тепло, а затем в наш район погонят тучи. Не очень

хорошо.

– Запущен новый космический город, – подключилась вдруг ко мне Феола. – Его выведут на орбиту вокруг Марса. Планируемое население двести тысяч. Это уже двенадцатый. Также расширяют орбитальные верфи. Хотят построить еще один цех. Перевозки между планетами возросли. Не хватает пассажирских кораблей.

Я разорвал соединение и с подозрением посмотрел на Феолу. С чего это ей передавать мне новости про орбитальные верфи? Неужели она у меня в пещере... на связь с руководством верфей я планировал выходить не раньше, чем будет уверенность с кристаллом. Оглянулся. В комнате кроме нас никого не было. Очевидно, пока я слушал последние новости, отец зачем-то вышел.

– Чего это ты мне про верфи сказала? – поинтересовался я.

Сестра достала из кошелька на поясе инфокристалл и протянула мне:

– Сегодня доставили. Из дирекции орбитальных верфей.

Я поспешно выхватил у нее кристалл, сжал в руке и активировал. В голове возник мыслеобраз сообщения.

– Класс! – обрадовался я. – Закупают всю партию моих кристаллов, которые я разрабатывал для управления выращиванием кораблей.

– Здорово! А ты не говорил, что делаешь кристаллы на заказ.

– Жить на что-то надо, – голосом помирающего с голоду бедняка заявил я, смущенно потупившись. – А если серьезно, то я подал заявку на участие в конкурсе по новым структурам управления. Честно говоря, не думал, что выиграю. Мой проект самый дорогой.

– Тогда почему ты победил? – удивленно хлопнула глазами Феола.

– Потому, что он хоть и дорог, но выигрывает в другом. Я применил часть своей новой схемы. Не целиком, конечно, но даже это дало ощутимую выгоду. Новая структура получилась очень гибкой. Теперь при переходе к строительству новых кораблей им не придется создавать новые кристаллы. Можно перестроить существующие. Похоже, это оценили. Даже мою цену не сочли чрезмерной. Просят выслать спецификации.

– Ой, Дерри, поздравляю. – Тут Феола нахмурилась и изучающе посмотрела на меня. – Быстро перестроить схему выпуска на новые типы кораблей?

– Ага, – невинно хлопнул я глазами. – А что?

– Просто я вспомнила, что ты хотел себе яхту. Отец тебе предложил оплатить покупку, но ты отказался. Сказал, что стандартные тебе не подходят.

Гм. Было такое. И кто, спрашивается, меня за язык тянул?

– Мне необходимо будет проводить эксперименты в космосе, – нехотя признался я. – А обычные яхты просто не годятся для моего кристалла. Я хочу корабль, построенный с

учетом моей новой схемы. Но пока я ее только обрабатываю и плохо представляю, что потребуется.

– Ты мне уже все уши прожужжал этой своей новой схемой. Может, объяснишь, что это?

– Я лучше покажу. Как с делами по дому закончим, отправимся ко мне в пещеру, и я покажу.

– Но прежде, чем вы туда отправитесь, – вмешался вошедший в комнату отец, – кое-кто должен вычистить сборник мусора. Надеюсь, этот кое-кто еще помнит об этом?

– Помнит, – пробурчал я. – А кое-кто мог бы об этом и забыть.

– У кое-кого очень хорошая память, – улыбнулся мне отец. – Давай завтракай, вернее уже обедай, и за дело.

Обедать пришлось в гордом одиночестве, все остальные уже поели и занимались своими делами. Повздыхав над своей тяжелой долей, я вышел из дома, перелетел через невысокий заборчик из кустов ежевики и подошел к задней стене.

– Совсем забыла. Мама просила тебе передать вот это.

Я обернулся. Позади меня стояла Феола и протягивала мне венок из цветов. На ее голове красовался такой же. Волосы же, обычно свободно падающие по спине, она стянула веревочкой.

Я молча взял венок. Покрутил его.

– Что это?

– Это поможет тебе пережить не слишком приятный запах, – улыбнулась Феола. – Мама специально вырастила эти

цветы. После прошлого раза, когда ты чистил дупло.

– Да? – Я водрузил веночек себе на голову. Первое мгновения я ничего не чувствовал, а потом вокруг разлился потрясающий аромат. Я даже глаза прикрыл в восторге и дышал. Дышал полной грудью, пытаюсь все легкие наполнить этим запахом.

– Цветы будут пахнуть минут сорок и начнут вянуть, – сообщила мне Феола. – Так что советую поторопиться. И кстати, ты забыл вот это.

Сестра присела и вытянула из-под дома несколько грубых водонепроницаемых мешков. Один из них она развернула и расширила горловину. Потом посмотрела на меня:

– Ну, чего ждешь? Открывай. Я буду мешок держать.

Помогать мне она совсем не обязана. В конце концов, ведь это меня наказали, а не ее.

– Спасибо.

Феола отмахнулась:

– Вот еще. Как будто ты не помогал, когда наказывали меня.

Я кивнул. Потом повернулся к дому, отыскал сучок, открывающий дупло, и мысленно на него надавил. Тотчас в дереве возникла щель, которая стала расширяться. Еще миг, и люк выпал. Я аккуратно отлеветировал его в сторону и приблизился к дуплу. Пахло оттуда... Но сейчас мне уже не приходилось задерживать дыхание, с этим чудесным венком совершенно не ощущались никакие запахи.

– Можно было бы все эти отходы автоматически отводить, – пробурчал я.

– Ты же знаешь, что этот компост нужен для маминого сада.

Я промолчал. Чуть подлетев, заглянул внутрь. Ну не так уж и много там накопилось. Всего лишь до половины. Могло быть и хуже. Что ж, приступим... Попробуем-ка одну штуку, которую я придумал после прошлого наказания.

Я приземлился и достал из кошелька два необычных кристалла зеленоватого цвета. Нормальные кристаллы полупрозрачные, и, когда их касается мысль человека, внутри разгорается маленькая звездочка. Почему эти кристаллы вышли зелеными, я понять не мог. Надо бы в институт на изучение отправить. Ведь полезную штуку сделал... если она заработает.

Один из кристаллов я бросил в жижу на дне дупла. Феола удивленно глянула на меня:

– Ты чего? Давай мусор доставай.

– Подожди. Хочу одно свое изобретение проверить.

– Тоже сделанное благодаря новой схеме?

– Нет. Я использовал принцип близнецов. Не отвлекай. – Я достал второй кристалл, положил его к себе на ладонь и вытянул руку вперед. Закрыв глаза, сосредотачиваясь. Вот кристалл у меня на ладони. Тянемся к его собрату. Ага, вот и он. Отлично. Связь установлена. Теперь, через этот кристалл, я могу видеть другой и управлять им. Протянув мыс-

ленные щупы, я осмотрелся. Вокруг лежала сплошная жижа переработанного домом мусора. Я так явственно ощутил ее, что меня замутило. Так, не отвлекаться. Собираем всю эту жижу вокруг моего камешка... собираем... собираем... А теперь медленно и осторожно поднимаем. Вытаскиваем из дупла...

– Ой, – пискнула позади Феола. – Дерри, как тебе это удалось? Ведь нельзя управлять предметами, которые не видишь. И удерживать жидкость...

Удерживать жидкости действительно самое тяжелое. Не каждый может. Концентрация воли и внимания для этого нужны потрясающие. Из нашей компании проделать такое могла только Вера-Вероника. Я несколько раз пробовал, но... почти, как говорится, получалось.

– Подставляй мешок, – перебил я. Потерять в этот момент связь между кристаллами мне совсем не хотелось. Кто потом будет чистить землю перед домом от грязи?

Феола тоже это сообразила и поспешно раскрыла мешок. Я подвесил шар из жижи над ним, чуть ослабил контроль, образовав небольшой канал, и направил по нему мусор в мешок. Когда он наполнился, Феола моментально сплвила взглядом горловину и схватила второй. Потом третий. Всего мешков набралось аж шесть штук. Вот и ладушки.

В воздухе остался висеть лишь один зеленый кристалл, с которого не сводила глаз Феола. Я вернул его к себе в руку и спрятал в кошель. Сестра, словно замороженная, проводила

полет кристалла взглядом, а потом взглянула на меня:

– Это с его помощью ты поднимал жижу?

– Ага, – признал я. – Таких камня два. Они находятся во взаимосвязи друг с другом. Один я бросил в мусор, а вторым собрал вокруг него всю жижу и вытащил из дупла. Осталось почистить само дупло. Где тут шланг валялся?

– Не где-то, а под домом. Ты лучше мешки отнеси в сад маме. А дупло я сама сполосну.

Оставив мешки сразу за изгородью в саду, я хотел было вернуться, когда показалась сестра.

– Ты уже все? – удивился я.

– Нет. Там отец пришел. Удивился, что мы так быстро справились. Я ему рассказала о твоём изобретении. Он просил передать, что ты молодец, и отпустил меня. Сказал, что дальше сам все сделает.

– Понятно. Тогда давай венки вернем маме, – вздохнул я.

– Хватит вздыхать. Между прочим, мне надо контролировать рост разума в твоём кристалле.

– Я помню. Поэтому предлагаю поторопиться.

Чтобы отдать венки, много времени не понадобилось. Мама на мгновение оторвалась от какого-то цветка и посмотрела на нас.

– А вы куда сейчас? – поинтересовалась она.

– Ко мне в мастерскую, – честно ответил я. – Я попросил Феолу немного помочь.

Мама покачала головой:

– Альвандер, мне кажется, ты слишком много времени проводишь в своей мастерской. Может, вам с Феолой съездить куда-нибудь, развлечься? Пойми, Дерри, я не возражаю, но ты лишаешь себя детства. У тебя впереди вся жизнь, а ты заперся у себя в пещере и ничем кроме кристаллов не интересуешься. Подумай над этим.

– Мам...

– Не надо, Дерри. Я знаю, что ты скажешь. У тебя очень важный проект, который ты должен непременно закончить...

На какой-то миг барьеры мамы дали трещину, я лишь слегка коснулся ее эмоций. Печаль, грусть, осознание неизбежного и... гордость. Гордость за меня. Она знает! Я понял сразу, хоть и не мог сказать откуда пришла эта уверенность. Как, каким образом? Я так хорошо все прятал. Но... Я посмотрел на маму.

– Я уже давно догадалась, – мыслеобраз предназначался только мне и остался не замеченным сестрой. – Ты напоминаешь одного моего друга. Друга, с которым мы были близки в детстве. Очень близки. Альвандер, ты ведь наверное, задумывался, почему у тебя нет старшего брата или сестры. А ведь мне уже больше шестисот лет. Это второй трехсотлетний цикл для меня.

– Ты повстречалась с папой только двести лет назад, – ответил я своим мыслеобразом, уже догадавшись обо всем.

– Ты верно все понял, – ответила мне мама. В ее образе

была и грусть, и давняя боль. – Ваш отец – это второй мой муж. А первый... Знаешь, ты напоминаешь мне его своей одержимостью. Он тоже мечтал прорваться через барьер. Он был инженером-физиком. Их группа работала над какой-то машиной. А потом она попытались прорваться...

Чем закончилась эта попытка, спрашивать смысла не имело.

– И ты все равно позволила мне работать, когда догадалась? После случившегося?

Мама грустно улыбнулась:

– Альвандер, когда у тебя будут свои дети, ты поймешь сам. Я очень люблю и тебя и Феолу. Но здесь... ты ведь не откажешься от твоей идеи? А если все же откажешься, то станешь другим. Не тем жизнерадостным и целеустремленным человеком. Чувства матери требуют спасти тебя даже такой ценой. Но однажды, я знаю, ты придешь ко мне и скажешь: «Что же ты сотворила со мной, мама? Зачем? За что ты изломала мою судьбу?» Как я потом смогу взглянуть тебе в глаза? Так что дерзай, сынок.

Я помолчал, опустив глаза. Раньше я совершенно не думал о чувствах родителей. Не думал о том, как воспримут мою попытку. Я поднял взгляд.

– Спасибо, мама.

Всю дорогу до мастерской я был задумчив. Феола приставала ко мне, пытаюсь выведать, о чем я говорил с мамой. Наконец поняла, что разговаривать на эту тему я не намерен,

надулась и до самой пещеры молчала.

У входа я обернулся к ней.

– Знаешь, – тихо проговорил я. – А мама, оказывается, все знала. О моем проекте.

Феола озадаченно уставилась на меня:

– Как это?

– А вот так. Знала, и все. Догадалась. Об этом мы с ней и говорили. – Больше не говоря ни слова, я вошел в лабораторию. Феола, задумавшись, плелась следом.

– Все-таки наша мама потрясающая, – наконец проговорила она.

Ты даже не представляешь какая, с грустью подумалось мне. И не надо тебе пока знать, о чем мы говорили. Я впервые ощутил, что значит быть старшим братом. Пусть даже старшим на пять минут. Порой пять минут и определяют меру ответственности.

– Ладно, давай займемся делами. Сначала кристалл проверим, потом я тебе расскажу о своем проекте.

Я открыл дверь в комнату с кристаллом, пропустил сестру и вошел следом. Феола немедленно расположилась рядом с ванной, положила на нее руки, закрыла глаза и погрузилась в работу. Я проверил уровень и состав раствора, добавил немного энергии в него.

– Где у тебя кристаллы для записи?

Я ткнул пальцем в шкафчик. Феола достала один кристалл и сбросила в него мыслеобраз.

– Вот. Тут отчет о проделанном, а также наброски дальнейшей работы. Тебе сейчас этого хватит, а я пока подготовлю полную спецификацию сегодняшнего и вчерашнего дня.

Я кивнул. Быстро считал информацию. Ого, а сестренка нехило поработала. Ну что ж, теперь моя очередь. Я занял место у ванны и закрыл глаза, мысленно погружаясь в кристалл. Так, сверимся с тем, что тут сделала Феола. Ага, этот канал трогать нельзя – это один из будущих каналов нервных волокон. А тут планируется полость для нервных узлов. Значит мне для работы вот эта область и эта. Проверяем, что тут произошло за ночь. Эти связи выстроились идеально, а вот здесь слегка поправим, пока все не стабилизировалось. И вот тут поправим. Создадим новый узор и построим каркас решетки. А дальше уже, используя этот каркас, кристалл сам достроит остальное. Чисто косметическая доработка. С каждым таким вот мазком все ближе к совершенству.

Я открыл глаза. Сестра сидела за столом и работала на псипроэкторе, выстраивая какие-то модели. Потом скидывала образы в кристалл и снова возвращалась к расчетам. Я подошел к ней и заглянул через плечо в визор. Описание задействованных клеток, какие-то значки. Считал данные с одного кристалла и чуть не утонул в специфических терминах и понятиях, а также эмоциях, которые испытывала Феола при создании.

– Все понял? – поинтересовалась Феола, не отрываясь от записей.

– Угу, – глубокомысленно заявил я.

– Тогда не лезь. Я же ведь не лезу в твои спецификации кристаллов.

– Ладно-ладно. – Я принес из центральной пещеры второй стул и пристроился на другом конце стола. В отличие от сестры, мне не надо начинать сначала. Только внести правки в уже существующие документы и дать описание. Так что свою документацию я закончил за десять минут, когда Феола все еще продолжала работать. Изредка она подходила к ванне и снова погружалась в изучение кристалла, очевидно, чтобы освежить впечатления.

Я от нечего делать наблюдал за ней. Правильно говорят, работы на час, а писанины на несколько дней хватит. Таков уж удел всех мастеров. Кристалл создать легко, а ты попробуй на него правильно документацию составь. Я покосился на сестру. Да и не только мастеров. Вообще всех псиоников. Какой смысл создать самый совершенный кристалл, если потом его невозможно повторить? Уникальная единичная работа и? Для музея разве что сгодится. Или на выставку. Кристалл, или цветок, или вновь созданный минерал остается всего лишь игрушкой, если нельзя потом повторить весь процесс. Вот для этого и создаются спецификации – слепок работы мастера. А потом уже специально обученные люди считывают эти данные и полностью, шаг за шагом, с абсолютной точностью воспроизводят весь процесс. Сначала это трудно, но, ухватив суть, они уже делают работу быстро и

точно. Производство выходит на поток, и новый вид кристаллов появляется в свободной продаже. И от того, как точно будет создана спецификация, зависит очень и очень многое. Так что халтурить здесь нельзя. А то так и останется этот кристалл уникальным и единственным.

Феола вдруг замерла. Она задумчиво почесала световым стилем себя за ухом. Потом обернулась ко мне:

– А как ты решил назвать кристалл?

– Назвать? – изумился я.

– Не называть же его просто кристалл? Это далеко не обычный кристаллик. Произведение искусства, если хочешь. Он должен иметь имя.

– Пусть будет Великий Кристалл.

– Не годится. – Феола замотала головой. – А знаешь... я его назову... назову я его Кристалл Альвандера. Точно!

– Скромненько и со вкусом...

– Скромность тут ни при чем. – Феола серьезно посмотрела на меня. – Кажется, ты еще сам не понял, что создал. Дерри, я ведь изучила твой кристалл вдоль и поперек.

– И что?

– В нем частица твоей души, Альвандер. Ты в него вложил столько себя, что он теперь навеки будет нести отпечаток твоей личности. И новый разум, рожденный кристаллом, тоже получит частицу твоей души.

Я невольно оглянулся на ванну с кристаллом:

– Ты серьезно?

– А не похоже? – оцетинилась сестрица. – Ты думаешь, я этим стану шутить? И знаешь, что самое интересное? Это не случайный эффект. Я прикидывала и так и этак. Специально еще раз просмотрела твою спецификацию. Каждый созданный по ней кристалл станет неповторимым. Это не копирование. Это – творение. Создание уникального экземпляра, ибо каждый такой кристалл будет нести отпечаток личности мастера. А если тот, кто попытается делать его, не сможет подарить кристаллу часть души, то толку с этого кристалла... Получится просто гигантская красивая игрушка.

– А... но почему???

– Да потому, что разум не может без души. Чтобы создать его – человек должен поделиться своей. Что вложишь – то и получишь. Но кристалл не живой. И я при всем своем желании не смогу дать ему часть своей души. Она закладывается при создании. Именно ее и заберет себе зарождающийся разум. Теперь понял? Какой бы разум ни зародился в кристалле, но он будет обладать твоей душой, Альвандер. А если кристалл получится пустым, созданный ремесленником, то разуму окажется нечего взять. Без души же не может быть настоящего разума. Вот и получим мы дорогущую игрушку.

Я потряс головой, пытаясь собрать мысли. Сестра молча смотрела на меня.

– Похоже, ты создал нечто гораздо большее, чем ожидал.

– Когда я начинал работу, то всегда знал, что будет что-то очень сложное. Но такое...

– Это тяжкий груз, но это и большая твоя заслуга. И сейчас я, пожалуй, могу утверждать, что разум в кристалле разовьется. Ладно. Решено. Записываю твое создание как Кристалл Альвандера.

Я только слабо кивнул. Новость, которую вывалила на меня Феола, оказалась малость неожиданной. Это следовало обдумать. Если все так и есть, то... с созданием новых кристаллов могут возникнуть проблемы. Ремесленник потому и ремесленник, что не может вложить в творение душу. Поэтому за копирование кристалла должны браться мастера. Копирование... Да какое тут копирование? Каждый кристалл будет уникальным.

Ладно. Проблемы стоит решать по мере их поступления. А если кристалл поможет преодолеть барьер, то эта проблема станет уже проблемой Совета и Координатора.

Подперев голову рукой, я с тоской размышлял над очередной, бог уже знает какой по счету, проблемой. Феола продолжала свою работу, тишину нарушал лишь шелест бумаги. Наконец сестра откинулась на спинку стула.

– Все. Дальше уже будем править в процессе работы. А сейчас давай займемся твоей схемой.

– Пойдем. Это не здесь.

Я вышел из лаборатории, тщательно закрыл за Феолой дверь и направился к другой стене, где располагался главный вход в центральный комплекс пещер. Когда кажущаяся неприступной скала просто растворилась перед нами, Феола

слегка поморщилась.

– Уж лучше бы просто отодвигалась. Зачем ты себе такое сделал?

– Мне нравится, – буркнул я. – Лучше шагай.

– А я что делаю? Блин, как тут у тебя холодно. Скажи, а в коридорах обязательно держать такую низкую температуру?

– Мне не мешает.

– Ну конечно. Когда ты за работой, тебе хоть что-нибудь помешать может?

Я промолчал. Очередная стена растворилась в воздухе, открывая проход в большую комнату, Здесь из пола словно росли плоские каменные столбики, уставленные кристаллами. В стенах вырублены ниши, заваленные разными полезными вещами. Большой круглый стол, правда пустой, стоял в центре. В дальнем углу журчал маленький ручеек, сбегая в расселину. Феола, боясь задеть хоть что-нибудь, аккуратно прошла к центральному столу и уселась прямо на него.

– Вообще-то это стол, а не стул, – счел своим долгом просветить ее я.

– Я заметила. Но пол очень холодный. И мне надоело уже ходить по камню. Он мертвый.

Я пожал плечами:

– Ладно. Давай о моей схеме.

– Давно пора.

Феола подобрала ноги, обняла их и положила подбородок на колени. Я взгромоздился на один из свободных от кри-

сталлов столбиков. Устроился поудобнее.

– Короче, – начал я, – как я уже говорил, моя схема проста до ужаса. Почему до нее никто не додумался, сказать сложно, хотя предположения есть – раньше не возникало необходимости. Кристаллы такой сложности еще никто не делал. Функционирующие кристаллы, – поправился я.

– А не функционирующий?

– Ну... было такое. Только... Помнишь, мы в позапрошлом году в Москве в Кремле были?

– Помню, конечно.

– Видела там Царь-пушку и Царь-колокол?

– А-а-а, понимаю. Не годящиеся для своего прямого назначения вещи превратились в произведения искусства.

– Точно. Кристалл можно сделать каким угодно сложным, но потом ему только в музей дорога. Появится в мире еще Царь-кристалл. Да и применения ему не найдется. Все, что людям до того требовалось, можно воплотить и в обычном кристалле. Но когда я стал делать свой... Во-первых, я просто не знал, а что, собственно, мне от него может понадобиться. Конечно, его основной функции – работы с пространством. Но даже здесь куча вопросов возникла. Есть корпускулярно-волновая физика, ядерная, гравитационная. И все это работа с пространством. А я ведь во всем этом ни бум-бум. И как закладывать то, в чем я не разбираюсь?

– Мне казалось, что это вы, мастера, и делаете?

– Не совсем. Что такое кристалл?

– Искусственно выращенный минерал, который может напрямую подключаться к разуму человека по ключ-коду.

– Ключ-код – это функция, заложенная искусственно. Чтобы подключение происходило тогда, когда нужно, а не спонтанно, из-за того, что кто-то мимо прошел.

– Ладно-ладно. Ты ведь понял. Кристалл подключается и использует пси-силы человека, выполняя заложенную в нем программу.

– По сути верно. В кристалл жестко зашиваются некоторые алгоритмы, которые он должен выполнить. Когда ты посылаешь в кристалл ключ-код, он сливается с твоим разумом и черпает из тебя силы, направляя ее согласно алгоритму.

– Ну я то же самое и сказала.

– Не совсем. Ты сказала «программу». А это неверно. Здесь в терминах надо быть точным. Программа – это набор алгоритмов. Так что простейший кристалл – это один алгоритм. Вот смотри.

Я вскочил со своего насеста и, покопавшись в одном из ящичков, достал пять кристаллов. Разложил их в ряд на столе. Перед каждым поставил по предмету: подсвечник со свечой, обрезок проволоки, чашку с водой, детский кубик и мячик. Феола, чтобы лучше все рассмотреть, слезла со стола и теперь стояла рядом со мной. Сами кристаллы, правда, размером с ноготь мизинца, смотрелись очень невзрачно.

– Вот тебе пример простого кристалла, в котором зашит один алгоритм. Тебе даже представлять ничего не надо. Про-

сто дай кристаллу свои силы.

– Послушай, это мы еще в школе в пять лет проходили...

– Феол, прошу тебя. Я ведь не просто так повторяю. Иначе тебе трудно будет понять смысл. Я хочу точно определиться в терминах.

– Хорошо. – Феола недовольно пожала плечами, а потом быстро, один за другим коснулась мыслью каждого кристалла. Тотчас загорелась свеча, согнулась проволока, вскипела в чашке вода, кубик поднялся в воздух, а мячик стал вращаться на месте.

Я затушил свечу и набрал из ручейка свежую воду.

– В каждый кристалл зашит один алгоритм. А вот в этот кристалл уже зашита программа – несколько алгоритмов. – Я достал еще один кристалл, не больше прежних, и положил на стол. – В нем заложены те же пять задач. На этот раз тебе не только надо активировать его, но и выбрать нужную задачу. Ты можешь вызвать их одну за другой в любом порядке или даже все сразу, если, конечно, хватит сил. Видишь разницу между кристаллом с алгоритмом и кристаллом с программой?

– Альвандер-зазнайка, может, хватит лекций?

– Потерпи еще немного. Сейчас все поймешь. Можешь сказать о преимуществах и недостатках каждого такого кристалла?

– Конечно, могу. Преимуществом кристалла с алгоритмом является то, что его достаточно активировать и не заду-

мываться над тем действием, которое хочешь совершить. Во втором случае еще надо знать, что может делать кристалл.

– Ну... в целом верно. Универсальные кристаллы – программные. Степень универсальности зависит от содержащихся в них алгоритмов. Но это все простейшие кристаллы. Такие я мастерил в шесть лет. А есть кристаллы смешанного типа.

– Это которые состоят из множества алгоритмов, которые вызываются из других алгоритмов, – с явной угрозой в голосе проговорила Феола. – То есть ты связываешься с ним и даешь силу, вызывая единственный алгоритм, а уж он вызывает другие зашитые в этот кристалл. Таким образом, человеку не надо заботиться о последовательности их выполнения.

– Гм... – я с опаской покосился на сестру. – Верно. Вот этот кристалл. Он построен как раз по такой схеме. На тех же пяти действиях. Когда ты коснешься его мыслью, он зажжет свечу, поднимет кубик, обмотает его проволокой, подожжет от свечи и опустит в чашу с кипящей водой, после чего вся эта конструкция будет водружена на вращающийся мячик.

– А смысл?

– Обычная демонстрация. Это все я делал для эксперимента. Надо же на чем-то экспериментировать? Выбрал первое, что в голову пришло.

– Так в чем же твоя схема заключается?

– О-о-о! Схема, как все гениальное, проста.

– О да! Еще бы!

– Ладно-ладно. Короче, когда я стал делать свой кристалл, то просто растерялся. Я не знал, что хочу получить. Обычно я как делаю? Задаю конечный результат. Думаю над некоей последовательностью действий, которая должна привести к нему. А потом для каждого действия строю алгоритмы в кристалле и связываю их в программу в нужной последовательности. При этом, сама понимаешь, алгоритмов могут быть миллионы и выполняться они могут одновременно.

– Если энергии у человека хватит выполнять эти миллионы алгоритмов разом.

– Э-э-э... ну да. Это и есть узкое место кристаллов. Поэтому и приходится следить, чтобы одновременно не выполнялось больше сотни. Конечно, тут еще зависит от сложности, но... В общем, не думаю, что тебе интересны такие тонкости.

– Неинтересны, – подтвердила Феола.

– Так вот. Я набросал предварительную схему. Потом понял, что это не все. Нам нужно не только получить доступ к пространству. Надо еще совершать определенные действия. Вариантов же этих действий я насчитал порядка пяти тысяч, а потом бросил. Раз преодолевать барьер, то это полет в корабле. Значит, надо закладывать функцию локации и навигации. В зависимости от результатов, действия опять могут меняться. То есть оказалось, что мне требовался кристалл, способный менять свою программу в зависимости от условий. Ну тут, думал я, просто. Есть человек. Есть простейшие

алгоритмы. Есть набор программ на основные случаи. А если возникнет нужда, человек сам построит нужную программу, используя существующие простые алгоритмы.

– Для этого надо быть таким гением, как ты, олух царя небесного.

– На самом деле проблема даже не в этом, – поморщился я. – Когда число алгоритмов в моем кристалле перевалило первую тысячу, я еще надеялся, что в Солнечной найдется кто-то, кто запомнит их все. Когда же их стало порядка пяти тысяч...

– Биокomпьютер.

– Верно. Ему это по зубам. Но, видишь ли... как ты думаешь, почему возрастало число алгоритмов? Да потому что всегда оказывалось, что я чего-то не учел и не заметил. Ты вообще представляешь себе эти пять тысяч простейших действий? И какова вероятность, что я учел все возможные? Что чего-то не пропустил? Вдруг в самый ответственный момент обнаружится, что мой кристалл чего-то не умеет? Но это на самом деле не проблема. Выращивается новый кристалл, и человек уже действует через него. С программами гораздо хуже. Не учел чего-то, и вот я, зная свой кристалл досконально, выстраиваю новые связи между алгоритмами и добиваюсь нужного результата. И что дальше? Писать инструкцию, чтобы все, кто будет работать с моим кристаллом, вместо элементарного вызова нужной программы проделывали все мои действия по ней?

– М-да.

– Вот тебе и «м-да». А если от этой операции зависит жизнь людей, а сама программа оказывается очень сложной? За какое время они выполняют ее? Конечно, если люди тренированные, то при средней сложности программы... полагаю, что секунд за тридцать. При этом та же программа, уже заложенная в кристалл, отработает почти мгновенно. И если скорость работы – вопрос жизни и смерти... Пяти тысяч простейших алгоритмов хватит на все, что может потребоваться в полете. Но величина возможных комбинаций из них стремится к бесконечности. И предусмотреть их на все случаи жизни нереально. Хотя бы по той причине, что я и сам плохо представляю, что может понадобиться. То есть с накоплением опыта надо будет выращивать новый кристалл с уже вложенными в него возможностями. А опыт будет расти стремительно. Значит, что, менять кристаллы почти непрерывно? Я свой выращиваю уже два года. После отработки...

– Все равно меньше чем за полгода новый кристалл не получишь, – прервала меня Феола. – Разум – не кристалл. Полгода на развитие до полноценного. Два месяца минимум на обучение, но ему еще и личного опыта набраться надо. Но можно ведь вырастить кристалл с новой программой.

– Угу. Со своей стороны заявляю, что кристалл такой сложности меньше чем за месяц не вырастишь. И то только если человек изучит методику досконально. Первое время на каждый кристалл придется тратить не меньше квартала. На-

копление опыта процесс бесконечный. Летать с кристаллами без учета опыта – преступление. А новый кристалл... Можно, конечно. А потом еще кристалл. А потом еще... Целый корабль кристаллов можно с собой возить. И искать среди них тот, что требуется сейчас. Когда до меня это дошло, я чуть не бросил работу. Неделю тогда сам не свой ходил.

– Постой-постой... Это не в прошлом ли году было? Ты тогда все в лес убежал и забирался на наш столетний дуб. И желуди с него зачем-то кидал.

– Ну да, – смутился я. – Мне так думалось легче. Но тут все встало. Мертво. Я не мог предвидеть бесконечное число вариантов. Не мог даже реализовать многие известные – знаний не хватает. А кристалл надо делать – он не может ждать. Я лихорадочно роюсь в учебниках, обзваниваю институты, чтобы они выслали мне спецификации на уже имеющиеся модели кристаллов. Изучаю их, вношу изменения, проверяю. А тут новая программа должна быть уже заложена, а она не проверена.

– Бедненький. – Я покосился на Феолу. Нет, она не смеялась. Она на самом деле искренне мне сочувствовала.

– Думаю, ты и сама поймешь то, что тогда понял я. Один я кристалл не сделаю. У меня не хватит ни времени, ни знаний. Но даже сделанный – он будет бесполезен, ибо его невозможно изменить. И тогда меня вдруг стукнуло...

– Яблоком? – ехидно поинтересовалась Феола.

– Желудем, – отшутился я. – А если серьезно, то тогда я

и придумал свою схему!

– Да?

– Да!

– И где она?

– Здесь. – Я достал из ящика очередной кристалл и протянул Феоле. Выглядел он еще невзрачнее предыдущих. Сестра недоверчиво взяла его и покатила на ладони. Потом осторожно коснулась мыслью. Поскольку ничего не произошло, она озадаченно взглянула на меня. Я молча скрестил руки на груди и улыбнулся. Это был откровенный вызов, и Феола его приняла. Она еще раз внимательно изучила кристалл. Даже понюхала зачем-то. А дальше погрузилась в изучение структуры. Это много времени у нее не заняло, но по окончании она казалась еще более озадаченной, чем раньше.

– Если бы я не знала, что этот кристалл делал ты, то решила бы, что его смастерил какой-то недоучка, который бросил работу на полпути. Он... он незавершенный. В него можно вкачивать энергию, но она из него улетает во все стороны. В пустоту и без всякой пользы.

– Точно! – Я, довольный, поднял вверх палец. – Незавершенный! В этом его смысл. Он на самом деле не завершен. Но при этом он самое совершенное мое творение! У этого кристалла только одно предназначение – управлять. Это управляющий кристалл. И в нем практически ничего нет. Ни одного алгоритма. Ни одной программы.

– Для чего же тогда он нужен?

– Он? О-о! Это мой шедевр! Мое спасение! – Тут я заметил многообещающий взгляд сестренки и поспешно закрутился: – Лучше покажу.

Я достал неширокую ленту из кожи дракона. Взял все те же пять кристаллов, разместил их на поясе на равном расстоянии друг от друга. Под моим взглядом все кристаллы погрузились в кожу, став с ней одним целым. А потом на свободное пространство положил управляющий кристалл и тоже вживил в кожу.

– Перед тобой полный аналог кристалла с программой из пяти алгоритмов. Тебе достаточно только коснуться мыслью центрального кристалла и вызвать один из алгоритмов.

Феола недоверчиво посмотрела на меня. Внимательно изучила конструкцию. Говорить ничего не стала, но послала ключ-запрос на центральный кристалл. Внутри него вспыхнула на миг звездочка, и стоявшая на столе свеча загорелась. Феола нахмурилась. Новый мысленный запрос – взлетел кубик.

– Как это происходит? – Она озадаченно покрутила поясочек в руке.

– На самом деле просто. Внутри кожи я вживил особые проводящие нити. Что-то вроде волноводов. Они обеспечивают связь между кристаллами. Управляющий же кристалл, когда я присоединил его, просканировал подключенные к нему кристаллы – на этот случай я специально встроил в него небольшой заряд силы. Кристалл определяет, что дела-

ют подключенные к нему кристаллы, и встраивает их в свою цепь. Таким образом, и выходит как будто единый кристалл. Если мне нужно будет, я любой из кристаллов заменю другим. Могу заменить сам управляющий камень. Тут у меня еще один управляющий кристалл. Я его могу встроить на место старого. Здесь, конечно, все немного посложнее. Этот управляющий кристалл содержит в себе последовательность действий с определенными простыми алгоритмами. Теперь если к нему подключить кристаллы с нужными алгоритмами, то мы имеем аналог кристалла с программой.

– Но как тебе это может помочь с твоим кристаллом?

– Неужели не догадалась? – удивился я. – Это же очевидно! Мне больше не нужно встраивать в мой кристалл миллиарды программ на все случаи жизни. Мне достаточно встроить управляющий кристалл.

– Я же видела его в твоём кристалле! – вдруг хлопнула себя по лбу Феола. – Но не поняла, что это такое, и решила, что ты еще просто не доделал этот фрагмент!

– Верно. А дальше можно подключать к нему управляющие кристаллы с некоей логической структурой. Мой кристалл обращается к управляющему, а тот получает доступ ко всем алгоритмам и программам Кристалла Альвандера. И, согласно заложенной в него логике, выстраивает из них новую программу. А если нет алгоритма в моем – тоже не беда. Встраиваем его в управляющий. Для ускорения работы, пришлось провести стандартизацию всех простых алгорит-

мов. Теперь, делая такие вот управляющие кристаллы, надо вызывать алгоритмы из Великого Кристалла строго определенным образом каждый. Может показаться неудобным, зато скорость выполнения возросла на порядок. И нет нужды встраивать механизм опознавания алгоритма. То есть если сказано, что обратиться таким образом, значит, вызовется только этот алгоритм и никакой другой. А человек уже не задумывается о том, какой кристалл ему вызывать. Он обращается к Великому Кристаллу, а тот сам находит нужную программу – у себя ли внутри или подключенную внешне.

– Я поняла, – тихо сказала Феола.

Я, оживленно рассказывающий о возможностях своей схемы, удивленно повернулся. Сестра во все глаза смотрела, но не на кристаллы, а на меня.

– Ты чего?

– Дерри. Я все поняла, – торжественно произнесла она. – А вот ты болван. Ты ведь даже не сообразил, что создал.

– А что я создал? Новая схема...

– Нет, мой брат все-таки идиот. Да ты же перевернул всю науку о кристаллах.

– Такой нет.

– Значит, ты создал! Да пойми ты, это же какие возможности открываются!

– Так я об этом и говорю, – совсем обиделся я. – Такие управляющие кристаллы, самые сложные из которых любой сделает за пару дней. А значит, нет проблемы совершенство-

вания. И не надо выращивать новый Великий Кристалл, если что-то в него не будет заложено. Легко подключается новая функция к имеющимся. Система чрезвычайно гибкая получается.

– Все-таки ты болван, – вздохнула Феола. – За своим Великим Кристаллом ничего не видишь. А ведь на самом деле ты просто открыл способ создавать кристаллы любой сложности. С любыми сложнейшими программами.

– Да?

– Да! Ну подумай! Я хоть и не мастер, но все же сообразила. Что ограничивает сложность кристалла?

– Ну... невозможность управления им. Но это если он очень сложный. А так... невозможность сразу произвести точную настройку... – тут я замер с открытым ртом.

– Наконец-то сообразил, – с показным облегчением вздохнула Феола. – А сейчас мы создаем единую схему, а настраиваем уже на месте, подгоняя такие вот блоки. И вскоре мы имеем схему, которая делает самую сложную и тонкую работу, недоступную человеческому разуму.

– Мне надо на воздух, – слабо пробормотал я.

– А ведь это еще наверняка не все возможные применения твоей схемы, – утешила меня на прощанье сестренка. – Только то, что первым в голову пришло.

Я не ответил. Даже не убрав в комнате, я направился к выходу.

Глава 5

Я лежал на спине, закинув руки за голову, и разглядывал проплывающие облака. Феола сидела рядом, изредка бросая в мою сторону любопытные взгляды.

– А знаешь, – мудро изрек я в конце концов, – ты не права.

– В чем? – немедленно отозвалась сестра.

– В том, что моя схема перевернет мир и все такое прочее. Она повлияет, и сильно, но вовсе не так глобально, как по-твоему выходит. Понимаешь, настройка кристаллов тут не самое главное. Тут проблема в сложности самого процесса и чисто практических ограничениях. Представляешь стоимость такой конструкции? Дешевле и проще использовать старые и проверенные методы. Моим методом заинтересуются, но только в качестве эксперимента. Не более. И никак не на промышленном уровне. Разве что выступят какие-нибудь сдвинутые по фазе, что разум человеку дан для того, чтобы он все делал с его помощью.

– Ты с этим не согласен?

– Со временем мы придем и к этому. Но пока совершенно непрактично, да и невозможно, честно говоря. Есть куча вещей, которые мы разумом делать не в состоянии. От этого никуда не деться. Тем более что проще и дешевле использовать старые методы даже там, где можно применить псисилы. Так что я за разумный подход. К тому же как быть с теми, у

кого пси-силы развиты не сильно? Им что делать? Помнишь, мы проходили по истории период беспорядков?

– Помню, конечно.

– Тогда ведь Солнечная едва на два лагеря не распалась. На государства псиоников и технарей. Представляешь, какой кошмар был бы? И так изоляция, а тут еще два враждебных лагеря. К счастью, именно тогда появились кристаллы. Это решило много проблем.

– Но напряженность остается, – кивнула Феола. – Ты прав. Но твоя схема поможет и им. Уж ключ-код они отправить на кристалл смогут. Правда, вопрос внутренней силы... ее у таких людей не очень много.

– Это как раз не проблема. – Я перевернулся на живот и сфокусировал взгляд на божьей коровке, качающейся на травинке. – Кристалл силы так же легко подключается к кристаллу управления, как любой другой. Так что человеку во все не обязательно тратить собственные.

Феола некоторое время молчала.

– И ты об этом так спокойно говоришь?

– Ну и что? А-а-а! Знаю-знаю. «Это перевернет понятия о кристаллах и откроет новую эру...»

– Щас стукну.

– Не надо. Феол, ну что ты хочешь, чтобы я сделал? Перевернет, так перевернет. А если нет – значит, еще не время.

– Мне достался в братья идиот. Пусть и гениальный. Но ладно, эту проблему я сама решу.

Теперь уже я подозрительно косился на сестренку. Что это она задумала? Надо ее срочно отвлечь, пока не кинулась исполнять задуманное.

– Вообще-то, это не все, что я тебе хотел показать. Не только схему. Ты тут слегка огорошила меня своими предположениями, и я малость подрастерялся.

– Ты? Растерялся? Ладно, можешь попытаться отвлечь меня от этой темы, но я о ней не забыла. Что еще сделал?

Отвлек, называется.

– Разное. Понимаешь, если мой кристалл сработает, то мы опять сможем летать в галактике. А значит, нам нужны корабли.

– У нас есть корабли.

– Не смейся. В наших кораблях используются всего четыре кристалла: силы, движения, локация и поддержка жизнеобеспечения. А биокомпы стоят только в космических городах. По всей территории Солнечной натяканы навигационные маяки и спасательные станции. Корабли спасения до любой точки доступного нам пространства добираются за полторы минуты. Это ты называешь полетами? Летать на таком корабле в галактике все равно, что в корыте пытаться переплыть океан. Вот я и занялся совершенствованием кристаллов для дальних полетов.

– Совершенствованием?

Я пожал плечами. От этого движения божья коровка слетела с листа и затерялась в траве.

– А зачем изобретать велосипед? Все уже придумано до нас. Просто надо довести до ума. И начал я с локации.

– И что?

– Ты пользовалась кристаллом локации когда-нибудь? Стандартным, я имею в виду.

– Нет, конечно. Где бы я его взяла?

– А я пользовался. Все, на что он способен, – определить местоположение объекта и выдать его простейшие характеристики.

– А что еще надо?

Я сформировал мыслеобраз пещеры, где демонстрировал Феоле свою новую схему. Показал необходимый кристалл.

– Сможешь принести?

– А сам?

Э-э-э... не говорить же, что подниматься лениво...

– Мне надо тут место подготовить.

Сестра внимательно поглядела на меня.

– Лентяй, – констатировала она. Но все же поднялась и направилась в пещеру.

Подготавливать я ничего не стал, а просто уселся поудобнее и стал ждать сестру. Феола вернулась почти сразу с кристаллом, размером с кулак, в руке. Я осторожно принял его и водрузил на траву.

– А теперь прошу. Ключ-код, и ничему не удивляйся.

Феола опасливо покосилась на кристалл, но все же послала ключ-код и замерла... Я улыбнулся и тоже подключился.

В тот же миг окружающий мир исчез. Я был в космосе. Точнее не сам я, а мое сознание. Вот мимо проплыл спутник. Ага, транслятор солнечной энергии на Землю.

– Кто здесь? – услышал я испуганный голос.

– Это я, Феол. Не пугайся. Как тебе?

– Что происходит? – голос звучал не очень уверенно, но испуг в нем больше не чувствовался.

– Ничего особенного. Кристалл отправил твою мысль в космос с помощью гравитационных струн.

– Каких?

– Да знаю-знаю, что термин дилетантский. Вот отдам свой кристалл физикам, они разберут его на запчасти и придумают умные слова, описывающие этот эффект, напишут кучу совершенно непонятных формул. А пока пользуйся теми, что я придумал.

– Так ты придумал этот локатор или усовершенствовал существующий?

– Усовершенствовал... на новых принципах. Я ведь строил кристалл для работы с пространством. Может, я и не могу все это описать формулами физики, но чувствую я его лучше многих в Солнечной. Давай прекращай болтать. Я тебе экскурсию сейчас устрою. Держись.

И мы понеслись. Разум захлестнули различные образы. Видны были почти все мелкие и крупные космические тела. Вон та точка – космический город, только что скрывшийся за Солнцем. А вон второй поплыл. И корабли – тысячи кос-

мических кораблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.